

Г. М. ПРОХОРОВ

Иоани Кантакузин. Диалог с иудеем

Слово второе*

(Славянский XIV в. и современный переводы)

НА ИУДЕЕ СЛОВО ВТОРО

Царь: Нужно zde мнѹ, Ксеню, истинное опасѣише ислѣдити. Аще убо и божии суще являетесе, правѣ убо примет о иже многих прѣгрѣшен'мы сѣ рещи пророку мнѣти. Аще ли же самыя вещи явѣ обличают далече нѣгде от Бога и истины стоещих вас, прочее убо буди не яко самь рекль еси о грѣсѣх, о вѣрѣ же речено быти.

Ксеня: И тѣ убо увѣраеши ли се, царю, яко не убо правые чести речено бысть пророку елика убо речена быше?

Царь: Паче же. Како бо нѣ? И умрѣти убо изволил бих, аще кто не глаголеть.

л. 188

Ксеня: Прочее, по сему || убо и Давида нужда ти есть инѣм съпричитающа, божествна и тоговаа непщевати и неотмѣтна.

Царь: Зѣло же.

Ксеня: Не убо ли прочее уже Богови наслѣдие Израиля сѣ и Моўси явленѣ рѣше? Не инде ли людие божии глаголютсе, и святѣ езыкѣ, и царьское священіе? Како убо не безмѣстно есть Авраама, и Исаака, и Иакова вас дѣти сущих, паче же самому Богу, их' же от Бога даннаго закона хранещих, иже безкваснаа и суботы съблюдающих, празники съвршающих, туждихъ и отврѣженных вѣровати быти от Бога? И сиа — от толицѣх и таковѣх гласовъ иже къ Богу присвоение имущих тврѣдо! А иже идолослужителѣ и безбожных дѣти вас, иже дозде ветхые злобы несытно имущих, и человѣка распета и умрѣша Бога и сына божиа непщевавших и кланяющихся быти Богу любопрѣтисе, благочыствовати же мнѣтисе и инѣхъ повиновати начинающимъ.

Царь: О Христѣ убо и крестѣ слово да пождити, а еже ниня имѣти разумѣти ти мнитсе, и ниня убо вашаа правилу писанному приносетсе. Мало же послѣди доволно азъ тебѣ скажу и о тѣх, якоже нѣгде и прѣжде сих варивъ възвѣстих.

л. 188 об.

Чтѹ убо вамъ множае || от еже таковѣми хвалитисе будет, сирѣчь еже дѣтемъ Авраам'скимъ быти, и чедом Божиимъ глаголатисе, и уже достояннѣ Божиа от Давида именоватисе, и инаа елика выш'ше мала прочель еси, аще не въ истиннѣ прѣбыли бисте вѣрѣ? Таково бо нѣчто дасть кто убо и диаволу, избран' бо прѣжде падениа бѣше сѣ съ свѣтлыми аггелы кругу. Еще же и прѣотець нашъ Адамъ самое сѣ прѣдлагает, яко убо явѣ рай тому от Бога вѣвѣренъ бысть и господинъ звѣремъ в'сѣмъ и инѣм водным' же и посушнымъ и въздушнымъ животнымъ нареченъ бысть от Бога; нѣ убо ни же оногѹ къ послѣднему падениу прѣжднее съ аггелы прѣбытие что ползева, нѣ вмѣсто аггела — диаволь, вмѣсто блага же ума — лукавь и нерадивь, тма вмѣсто свѣта видѣнъ бысть. Ни же Адаму прѣваго достоин'ства обдрѣжаніе съврѣшеніе нѣкое бысть къ иже

* Начало публикации см.: ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41.

от невъздръжания послѣди напасти. Вещ'ших же пожелавъ, и им' же дрѣжатель бѣ лишише, злочыствнѣ изврѣжень от божеств'наго оного и радостнаго прѣбыванія. Никако же прочее ни вамъ добра нѣкаа будетъ къ отвѣту вина еже дѣтемъ Авраа || млим быти убо, люблени бѣсте убо от Бога, и многихъ отуду насладитесе благодѣтнн и дарований, аще ни же възлюбльшому ви Богу подобнѣ, ни же самому таковому отцу чысть трѣбуете, нъ врази и отцемъ досадителе бысте. Въправду бо убо и от наслѣдна вас изгнано быти речеть кто убо, таковѣмъ сущимъ, еже по благодати отца вашего Бога.

. л. 189

К с е н ь: Словеса сиа инако быти мнѣ мнетсе, о цару, указаниом непричестни.

Ц а р ь: Добрѣ сѣ вѣждь, яко не свободишисе мене днесь, аще не тебѣ издалече свѣтла и явлена в'са прѣд лицемъ азъ низложу. Обаче вѣдети ти подобаеть, колика нѣкаа наша бесѣда и каа прѣдлежитъ зрѣти яко велика же и прѣзьестьств'на, и ни же по естеству хотѣти навькнути яже паче естества, грубо бо и вьсма неразумно, ни же по слову яже паче слова, ни же безгодно паки вьводити любочыстне, яко прѣрековати здравымъ и несупротивнымъ и ратовати и противу ходити къ явленымъ.

К с е н ь: Буй убо былъ бих и вьсуде обличусе, сѣнь ратуе, аще истину усрд'нь бых побѣдити.

Ц а р ь: Прочее, понеже, добрѣ творе, развѣ любопрѣнна общаваешисе послу || пати, оно прѣвѣе да възыщемъ, аще Божии людие, яко же тѣ рече, иудейсѣи суть людие. И прѣжде иннихъ Исаиа намъ да приидеть окръмитель и яко же руководитель къ обоимъ знаема.¹

. л. 189 об.

«Приближаются мнѣ, — рече, — людие сии усти своими и устнами ме чтут; сердце же ихъ далече отстоитъ от мене. Вьсуде же чьтутъ ме, учеще учения, заповѣди чловѣчьскихъ». Давидъ же: «Слышите, людие мои, — рече, — и възглаголю вамъ, Израилю, и засвѣдетел'ствую тебѣ: Богъ, Богъ твой ес'мь азъ. Не о жрѣтвахъ твоихъ обличю те; в'сесьжежения же твоя прѣд мною суть вину. Не приму от дому твоего телъц', ни от стады твоихъ козыл'; яко мои суть в'сп звѣрие дубравни, скотц въ горахъ и волове. Познахъ в'се птице небесныя, и красота сел'на съ мною есть. Аще възалчу, не реку тебѣ; моа бо есть вьселена и испльнение ее. Еда ямъ мяса юнча? Или кровь козлю пиу? Пожри Богови жрѣтву хвалѣ и въздаждь Вышнему обѣти твое; и призови ме в день печали твое, и избавлю те, и прославиши ме».

Еда убо не явеств'нѣ в'сѣмъ Исаиа рече и Давидъ, яко не кровнымъ жрѣтвамъ радуется Богъ, ни же цкварамъ, нъ без || кровнымъ и похвалнымъ святынямъ радуется?

. л. 190

Еще велегласнѣйши Исаиа: «Слыши, — рече, — небо, и вьнуши, земле, яко Господь възглагола: сыны родих и възвысих, тип же отврѣгшесе мене. Позна воль стежавшаго и ос'ль ясли господина своего, Израиль же мене не позна, и людие мои не разумѣше. Увй, языкъ грѣш'нь, людие испльнъ грѣхъ, сѣме лукаво, сынове безаконни!». «Како бысть блудница градъ, вѣрни Сионъ, исполнь суда? Въ немъ же правда усну въ немъ, ныня же убийце».

Небо убо и землю купно на послушание словесъ его и свѣдетел'ства съпризва, яко, ваш языкъ от Егѣпта съ мышцею высокою изведь и чудес'мы убо вещ'шими неже по слову озлобляющихъ вас удививь, чудно же велие и паче ума еже на Чрѣмнѣмъ мори прѣхождение вашему спасениу и потопление врагомъ съдѣлавъ, Законъ по многихъ толикихъ благодѣннн къ спасениу вамъ положи. Нъ отци ваши не прѣбыше въ положеныхъ, нъ на Моусеа убо злѣ глаголаху, Аарона же къ туждему богу съдѣтел'ства

¹ На поле около начала цитаты написано: «Исайино». Сама цитата выделена на поле значками вроде птички, положенной набок («крыльями» к наружному краю листа), против каждой строки. Подобнымъ образомъ выделены и все следующие цитаты.

а. 190 об. моляху, «Сътвори, — възпише, — намъ боги, иже прѣдидут прѣд нами. Моси бо съ, изведѣ нас изъ Егупта, не вѣмы что бысть». Зрѣ сего ради, колика бесту || д'ства и неразумиа, купно же и грѣдости и рыптаниа и многихъ таковыхъ плъни суть глаголы, и како душевнѣ ядъ блююще, яко убо таковѣми Моусеа убо зубы угризаху, горцѣ же и самому касахусе Богу, всѣхъ иже о нихъ начинаемыхъ чюдесѣ отъ бесловесныя злобы напрасно забывше. Еже бо рещи «Моуси съ, изведѣ нас изъ Егупта», и Моусеа бѣху уничижающе и на Бога рыщущихъ — таковаго убо сложения явителни суть глаголы. Се же прѣдставляетъ явленѣ, яке отъ онѣхъ буиствнѣна игранна, паче нежели съдѣяна: тельць ибо истуканъ устроивше, поклонишеся ему и измѣнише славу Божию, въ подобие телца, ядущаго траву, веселящеся въ творении рукъ своихъ. Сего ради и къ съкрушению убо богоданныхъ скрижали Мосеа раздражише, на гнѣв' же благодѣтеля и тихаго Бога подвигоше. «Ог'нь бо, — рече, — разгорѣсе отъ ярости моеѣ; раждекаетсе до ада прѣисподняго; поястъ землю и жита ея, попалитъ основаниа горѣ. Съберу на нихъ зла, и стрѣлы мое скончаю на нихъ»; «Рѣхъ: рас'сѣю ихъ, уставлю же отъ чловѣкъ паметъ ихъ», «поощру яко мльнишу мьчь мой», а. 191 «упою стрѣлы мо||е отъ крѣви, и мьчь мой сънѣстъ мяса». И ина множаиша, еже на вѣ негодованиа его прѣзѣльное являюща.

Нѣ иже кротости и милованиа ревнитель Моси не до конца разгнѣвасе, ни же трыпѣаше погыбѣль божест'внаго гнѣва жестосръдихъ видѣти, нѣ тѣмъ примири Бога и гнѣвную теготу на единѣхъ молбахъ успи, естств'ную его призвавъ благодѣ. Тѣмъ же и прѣзре безаконие ихъ Богъ, никако же трыпе врагы ихъ радующихсе видѣти сихъ погыбѣль и тому убо судещихъ немощь, себѣ же в'се написующихъ силою же и крѣпостиу. Свѣдетели сего ради якоже нѣкъе еже къ нему онѣхъ неразумие и оного къ онѣмъ промышление и милование небо поемлетъ Богъ и землю: «Вънми, — глаголе, — небо и възглаголю; и да слышитъ земля глаголы усть моихъ. Да чаетсе, яко дѣждь, провѣщание мое и съидуть, яко роса, глаголы мое, — яко туча на трескотъ и яко иише на сѣно. Яко име Господие призвахъ; дадите величие Богу нашему» и прочаа.

а. 191 об. Давъ убо и паки тѣмъ законъ, еже на скрижалехъ въображена Моси съкруши, отпусти праведное гнѣву. Елма же по обѣщанной земли одръжаниа тиижде и паки бѣху, и къ прѣжднему идолослу || жениу сквърнино побѣг'ше собою приидоше и всѣхъ непоминателе бывше, их'же въ Егуптѣ прѣжде и въ пустыни на убо и фараона и тогово воин'ство чюдесѣ, и горши себѣ быше, поелику тогда убо единою, послѣди же многащи къ идол'скому служению и еже отъ сего сквърну выпадоше, призываетъ и паки прѣжде неоклеветаемыхъ Богъ свѣдетель, небо реку и землю, скръбе сего ради и болѣзнуе, аще сиче къ злобѣ прѣклонение имуть, таковаа пиня Исайемъ възпиеть: «Слыши, — глаголе, — небо и възпиши земле, иже и прѣжде явѣ яко поемлени свѣдетели мною: сыны родихъ и въз'высихъ, тии же отвръгошеся мене. Позна воль стежав'шаго и ос'ль ясли господина своего, Израиль же мене не позна» — и елика потомъ въ Исайи речена быше. Сиа небу и земли вина отъ Бога призваниа, и за сие негодование тварь къ свѣдетел'ству неразумиа благопострадавшимъ призываетъ. Толика бо онѣхъ злоба, яко и всѣхъ убо пророкъ главизна Захарие пророка отрокъ Иоаннь, иже зѣло Христа прѣдтекъ и проповѣдае крщение покааниа, ехиднамъ тѣхъ уподоби рождениомъ, лукавнѣшимъ отъ в'сѣхъ звѣрий и суро || вѣйшимъ. а. 192 Сътекущихъ бо нѣкогда съ садукееи и фарисеи многихъ зре къ крщениу, «Порождениа, — рече, — ехиднова, кто показа вамъ бѣжати отъ будущаго гнѣва», находящаго явѣ на иже въ Месиу не вѣровавшимъ Христу? Прочее убо усумнитъ ли се кто что божеств'ному уму пророку еже порождениа сихъ рещи ехиднамъ? Никакоже, язъ мнѣ. Явлено бо вѣистину, яко безчеловѣчныхъ и неблагодарныхъ и къ в'сакому жесточеству и убийствомъ скорѣйше отъ всѣхъ валяющеся. Яко же бо сиа звѣрь, яко же слово речеть, не по естеству инѣхъ животныхъ матерними утробы происходитъ, нѣ растрѣгнувшеся иже тѣ носещую утробу, сиче и иудейскѣи неблагодарни съборь

пръвое убо просто на Бога, потом' же и на Сына и Слово его неистов'ство-ваше непрѣподобнѣ.

Еще тѣжде Исая рече: «Что ми множество жрътвъ? — глаголетъ Господь. — Испльнь ес'мь в'сесьежежения овнѣ и тука агньць; и кровь юньць и коз'лѣ не хошу. Ни же аще приходите явити ми се, кто бо възыска сиа от рукъ ваших! Ступати въ дворѣ моем не приложите. Аще принесете ми семидаль, сует'нѣ; кадило мръзост' ми есть. Новомѣсечиа вапа и суботы и день вели||кѣ не хошу. Постѣ и празность и новомѣсечиа вапа и празники ненавидитъ душа моа. Бысте ми въ испльнение. Не ктому оставлю грѣхъ ваше. Егда въздеждите руки ваше къ мнѣ, отвращу очи мое от вас, и аще умножите моление, не услышу вас, рудѣ бо ваши испльнь крови».

Еще тѣжде: «Виноградъ, — рече, — бысть възлюбленому въ силѣ въ мѣстѣ тучнѣ. И законъ положих, и оградих, и насадих виноградъ избранъ; и създахъ стльпѣ посрѣдѣ его, и точило ископа въ немъ, и ждахъ сътворити гроздие; и сътвори тръние. И ниня, живуцей въ Иерусалимъ и челоувѣкъ Иудовъ, судите между мною и посрѣди винограда моего. Что сътвору еще винограду моему и не сътворих ему? Зане прѣбых да сътворит гроздь, сътвори же тръние. Ниня убо възвѣщу вамъ, что азъ сътвору винограду моему: отиму ограду его, и будетъ въ расхыщение; и разору стѣну его, и будетъ въ попрание. И оставлю виноградъ мой, и необрѣзанъ будет ни окопанъ; и възыдет яко на ледину тръние; и облаком заповѣмъ еже не одѣждити на не дѣждь. Виноград' бо Господа Сава||офа домъ Израилевъ есть, и челоувѣкъ Иудовъ — новъ садъ възлюбленъ. Пождахъ, да сътворитъ судъ, сътвори же безаконие».

Еще: «Отрину празники ваше, — божеств'ный Амос рече, — и не обоняю въ трѣхъствахъ ваших, зане аще принесете ми в'сесьежежения и жрътвы ваше, не приму сиа, и спасител'но явление вамъ не призру».

Сим' же и Малахиа исповѣдуетъ: «Нѣсть воля моа, — рече, — въ вас, глаголетъ Господь, и жрътвы ваше не приемлю от рукъ ваших; зане от востока солнцу до запада име мое прослависе въ езыцѣх; и на в'сакомъ мѣстѣ жрътва приноситсе имени моему, и жрътва чиста, яко почитаетсе име мое въ езыцѣх. Вѣ же скврните тѣ».

А еже явленнѣйше в'сѣх от Бога прѣдставляетъ вас оставленѣх — еже от пророка Исаяе реченное есть: «Се бо гредут, — рече, — дние, глаголетъ Господь, и скончаю на домъ Израилевъ и на домъ Иудовъ завѣт новъ, — не по завѣту, еже сътворих отцемъ ихъ въ день, ем'шу ми руку ихъ извести ихъ от земли Егуптѣские; яко тии не прѣбыше въ завѣтѣ моемъ, и азъ нерадих о них, глаголетъ Господь. Яко сий завѣт, еже завѣщаю дому Израилеву по днехъ онѣх, глаголетъ Господь, дае законы мое въ мысли ихъ, || и на сръдци ихъ напишу ихъ. И буду имъ въ Бога, и тии будутъ мнѣ въ люди. И не научитъ къждо ближняго своего, и къждо брата своего, глаголе: „Познай Господа“; яко в'си увѣдет' ме от мала ихъ до велика ихъ; яко милостивъ буду неправдамъ ихъ, и безакониа ихъ не помену ктому».

Разумѣеши ли убо глаголемых, или храмлетъ твоа мысль къ постижениу? И убо явлена в'са и зѣло явьств'на благоразумнѣ истиннаа испи-тающимъ реченнымъ. Зрѣ бо како другъ друга коаждо съглашают и якоже от исповѣдания приведеней в'си пророци сиа о тѣх'жде възвѣщавають. По еже бо уничтожити и охудити жрътвы ваше, и пощения, и празники, и суботы, и показати в'сѣмъ явѣ, яко оставлени бысте от Бога — се бо необрѣзанъ и неокопанъ прѣдставляетъ виноградъ и ограды отъетиа, и стѣнамъ разорение, и еже въ расхыщение быти и попрание мимоходящимъ, въ образ' бо иудейскаго езыка виноградъ пророки приемлетсе, — наведе, упражнение являе закону, яко хоцет дати Завѣтъ Новъ, не по оному же данному отцемъ вашимъ, егда изведе ихъ от земли Егуптѣские, нѣ || други, благодатны, въ него же езыци вѣрваше. А еже виновное, о нем' же сего измѣнити вьсхотѣ, яко не вашимъ отцемъ истинною обѣцасе

дати, нь им'же от езыкѣ въ нь вѣровав'шимъ, — се же явлено есть от них'же рече: «От востокѣ солнца до западѣ хвално име мое въ езыцѣх, и на всакомѣ мѣстѣ жрътва приноситсе имени моему, и жрътва чиста, яко почитаемо есть име мое въ езыцѣх, глаголетъ Господь. Въ же осквръняете тѣ». Зрѣ же зѣло свѣтло симъ пророкомъ провъзглашаему еже въ езыки от Бога благодать, Новѣ реку завѣт, Еуаггелие? По еже бо изрещи находещихъ вашему езыку в'сачьские напасти, тогда рече Исая: «От Сиона изыдетъ законъ, и Слово Господне от Иерусалима». Се же что убо прочее бѣ ино, аще не Еуаггелие и апостолскаа проповѣдъ? Ни бо вмѣщается о вашемъ закону се явлено рещисе, сѣ бо въ Синаи и въ пустыни данъ бысть Моусеу от Бога. Зде же не «данъ быти» рече, нь «изыти» от Сиона, еже само тѣ, еже рѣкомъ Еуаггелие прѣдставляеть и проповѣдъ, оттуда бо сна, якоже убо и въ речете, начело прише.

Зрѣ же ниня убо како сьродное обоихъ показуется, Еуаггелиа явѣ и *з. 194 об.* Закона, и якоже пророчьское слово обоя све||зуетъ и сьвѣкупленое ихъ явѣ прѣдставляеть. И бо прочее и сице имѣти в'сакъ кто речеть ничтоже сумнесе, понеже не въ глыбину, ни же от прѣшдьшаго. Нь въ глыбину обоихъ възырати да вѣсть, и ни едину убо рать обрѣщеть въ обоихъ и разногласие, нь супротивно в'сако, попечение высочайше и сыгласие, — обаче елико Законъ убо несъвршено Еуаггелие речеть, Еуаггелие же — Законъ высок' же и сьвршенъ.

И еже силою убо воинъ по случаю, или землемѣрц' бывъ младеньць, възрастъ же прочее и юность прѣмѣнивъ и въ мужи пришѣдъ, дѣйствомъ паче воинъ или землемѣрц' бысть, еже силою тогда упражнену. Аще убо въ дѣйство еже силою произъшдьшу не настоящее да зритъ кто, нь яко младенца воспоминае и несъвршенеа еще иже въ възрастъ пришѣдъша, и убо свѣтло овому убо силою показаему упражняемому, овому же дѣйствомъ свѣтло сияющу, что когда убо таковой быти тебѣ възьмнитсе? Не осужден' ли велми?

Таково убо и еже о Еуаггелии и Христу разумѣй. Закон' бо убо сѣнь *з. 195* якоже би и неявлени имѣаше их'же от Христа и Еуаггелиа || послѣди бывшимъ образомъ. Еуаггелие же о самой попечесе истинѣ, аще что Закону подобаше, в'се изредно сьврши и'издалече сияюща и свѣтлы тьмные оногo сѣни всѣмъ прѣдстави вещи. Якоже еже речесе прѣжде мала, сѣ нехытростнѣ случаетсе явитсе, обоих' бо таинѣйшимъ, Еуаггелиа реку и Закона, в'сакъ, кто вънутрь прѣбывае речень, ни едино убо обрѣщеть от другаго отстоюще, нь еуаггел'скаа убо в'са въ Законѣ ськрывена, и сего пакы сѣ в'сѣми иже от пророкѣ реченными въ ономъ сьвршаема узритъ. Ничто же мощно от малыхъ нѣкыхъ в'се тебѣ назнаменати, сьмотри сего ради.

Бѣ нѣкаа въ Соломоновѣ притворѣ купѣль, иже Вифес'да нудеомъ нарыщашесе. Въ той бо множества недугующихъ съхождаху дѣйствуемаго ради въ ней чудесе: аггелъ бо Гоподень на в'сако лѣто съходе, воду възмуцаше; и по семь иже прѣвѣ въскочивъ въ нѣю, яко же нѣкую ветху кожу, яковъ любо отлагаше недугъ, здравие чистѣйшее въприемле. Сѣ убо не въсуе кто убо речеть сьвршатисе тогда, вещьше же нѣчто ино прознаменоватисе. Аще в'си сѣ, что когда убо речеши ино, аще не иже божеств'нымъ крыщеніемъ порождение и еже от сел||го душамъ здравие же и крѣпость? Смотри сего ради, како вещьшаа и сьвршенѣшаа малыми и неявленными онѣми образи прознаменовахусе. Съхoдей бо и възмуцаей воду аггелъ Великаго Сьвѣта аггела, якоже Исаяа въпить, Сына являше Божиа, а еже, въкратцѣ, Соломонова притвора вода — еже по в'сей земли воды, ими же наитиемъ божеств'наго Духа освящаемымъ душамъ сквръни великы и тежчайший недугъ отмываемъ. И тамо убо единъ бѣше сѣ възприемлей цѣлбу, и сиу тѣчиу тѣлеси, ниня же в'са въселенаа, и душе купно сѣ тѣлеси испѣлѣваются, еже от оногo вещьше же в'сако и божеств'нѣише. *з. 195 об.* Еще по Моусеову завѣту въ врѣме Пасхы закалаемаго агньца и сѣ дрѣвомъ

испечена — образъ и сему быти в'сакъ убо речет заклавшомусе за всѣхъ Христу Богу. Еже убо и происходеще явленѣйше явим. И еже пакы Моуси боговидьць вамъ попускаеть дѣяти — еже жену умръшаго бесчедну поемати брату его и вскрѣшати сѣме умръшому — ни же сѣ просто повелѣно бысть. Аще ли же нѣ, каа нѣкаа полза от таковаго поетиа умръшому? Аще не Закону съединеное || разньствити кто всхоцет и гльбочайшаа зрѣти, аз же убо не зру. Нѣ в'сако такова нѣкаа есть законоположника и пророка мысль: Закон' бо его же брата наричет прѣва, дѣяние поемъ въ жену, чеда сътворити не възможе, раздрѣшити явѣ яко проклетая бывшаа чловѣка. За сие бо ради и сущїи бездѣтнии, образъ суще образу законному явѣ, дароносеще, не приемлеми бѣху. Нѣ вторїи братъ, Еуаггелие явѣ яко, нанесеную клетву вьсма потрѣбивъ, благородно вскрѣси брату сѣме, — сущиимъ под солнцемъ спасение.

л. 196

От него же всѣмъ свѣтло являеться, яко и Законъ вънутрь сѣи бысть Еуаггелиа, и се же пакы Законъ есть съвршень. Аще ниня се сиче имат, ничто же покажетъ вьстрѣшно и жестоко, аще что Новаго намъ Завѣта въ словѣ прѣемлетсе, ничто же тебѣ и Еуаггелиу обще быти любопресе. Аще бо посѣщениемъ те божеств'нымъ Богъ посѣтитъ и, душевные ти смѣженые очи отврѣзь, свѣтъ выложитъ божеств'наго Еуаггелиа! Крылѣ тебѣ, по божеств'ному Давиду голубини израстут и, възлетѣвъ, почиши на небесехъ. Аще ли же — еже никогда быти! — ни о чесомъ вьмѣняеши яже ниня въ посѣщение твое, нѣ въ прѣльсти отецъ твоихъ жити вьсхо||щеши, прочее не реку. Нѣ о семъ убо Богови попечител'но.

л. 196 об.

Обаче нужно есть и оно съматрати, како в'сѣмъ аггеломъ и чловѣкомъ и в'сей твари сѣи Богъ, Богъ изредно же рече бывати Богъ, иже благодатию явѣ Еуаггелиа и крещениемъ просвѣщшимъсе. Яко же бо «Азь есмь, — рече, — Богъ Авраамовъ, и Исааковъ, и Иаков'лъ», не симъ единѣмъ сѣи Богъ, якоже рѣхом, нѣ в'сакому быв'шому естеству, еже въ него истинную отечьскую прѣдставляе вѣру и свою къ онѣмъ любовь же и сложеніе; сиче же и въ сихъ буди съматрае. Езыккомъ бо изде извѣстную вѣру и непадател'ну показуе и еже къ нимъ любве его топлое, себѣ убо онѣмъ въ Бога, себѣ же онѣхъ въ люди рече бывати. Не убо же нѣ и еже милостивъ бывати глаголати неправдамъ ихъ и безаконіа и грѣхы не помѣну ктому, божеств'наго крещеніа знаменуеть благодать? О Законѣ бо рече: Сътворивѣи в'са написанаа въ книзѣ Закона, живъи будет. А иже Слову Божию и Сыну, Христу вѣровавъ и баню божеств'наго приемъ крещеніа, в'се въ немъ потоцивъ грѣхы, весь всходитъ чистъ. Се бо зре Исая: «Измыйтесе, — рече, — и очиститесе, отимѣте лукав'ствіа ваша», — оно проповѣдуе, || яко духовно нѣкое и божеств'но крещеніе чловѣкомъ от Бога даруется, в'се грѣхы отмывае и в'сакую скв'рну потрѣбляе от душахъ. Аще бо и множество звѣздамъ или мор'скому пѣску изравнетсе нѣкому грѣсы, съ толицѣмъ прѣзл'ствомъ крещеніе възможе потрѣбити, якоже убо аще кто шаку клькѣ въ неизреченную пучину огня вьврѣжет. Да назнаменаеть же тебѣ слово еже въ купѣли Силоам'сѣи древле съвршаемое чюдо, образъ сѣи и проявление еже водою намъ дарованному обновленію и отложение сьгрѣшениомъ: якоже бо тамо по еже от аггела божеств'наго бывшой водѣ възумущение прѣвѣи вьшѣдъ въ купѣль недуга в'сакого измѣняшесе, сиче и въ божеств'номъ крещеніи в'саку скв'рну душевную иже симъ съвршень, якоже нѣкую от гнилыхъ рызѣ, сьвлѣчесе и отврѣже и чистѣйши весь и святъ бысть. Вѣждъ же убо, яко прѣжде сьгрѣшениомъ оставление божеств'наа баня даруеть, и сѣ есть еже «Милостивъ буду неправдамъ ихъ и безаконіа ихъ не помену ктому». А иже по сиемъ в'сѣмъ длѣжни есмы томление въ непрѣльстнѣмъ ждущимъ дне Суда, егда Божий Сынъ придетъ съ святиими аггелы своими и мрътвыхъ испитати и живыхъ и праведно об' ||ль'чати овѣмъ убо милость и непрѣходимую славу же и царство благыхъ, а иже непрѣподобно пожив'шимъ — неизречен'ные скрѣби и негасимы ог'нь.

л. 197

л. 197 об.

К с е н ь: Мало удръжь, о цару. Прочее и судиу, якоже рече, мрътвымъ и живымъ съ в'сѣми инѣми сына Иосифова дрѣводѣле подобно быти нещевати глаголете? Или въ тыще сѣ выпросих. Ново бо ничесоже и сѣ вас о ономъ слово творити, аще бо человекъ яд'ца и винопицу, мытаремъ въ житии съобѣдующа, от зла же всѣх и уничижена села произышьдша, Назарета, от негоже ниедино благо никогдаже произыде, и Сына себе словотвореща Божиа, и сих ради распетиемъ осуждена, и умръша, жити от мрътвыхъ вѣстав'ша бесловесно крѣпитесе, попечитесе убо ино пощедѣти баснословие, судиу живымъ и мрътвымъ того съ властиу и удоб'ствомъ рукополагающе.

Ц а р ь: Ты убо рекше нещучеши обѣщаемыхъ забывша ме, къ инѣмъ слово прѣлагати, и убоясе, да некако тебе сими прѣведу от прѣдлежащихъ отлучена. Нѣ дръзай. И обѣщаемыхъ бо еще помню, и вспомену; и в'са тебѣ о моемъ Христѣ и Бозѣ слово неоскудно прѣдложу. Сего бо ради и сиа тебѣ прохожду удо||бно и без'болѣзы'но и благоприятно о онѣхъ положъ постижение. Толико тычу о сихъ глаголю тебѣ ниня, яко въсма есть истина еже рекль еси и прѣжде мала, — яко мытаремъ и грѣшникомъ другъ бѣ, прѣждныхъ' бо врагъ сущихъ други сътвори, и «не прииде призвати праведники, нѣ грѣшники на покаяние». Якоже убо учения свѣтомъ всѣхъ на покаяние грѣшнихъ призва, сице и иже прѣжде малыхъ и уничиженныхъ мѣсть възвеличи, и чисти яко велики достойныхъ показа. Абие бо Исайа: «Галилеа языкъ, — рече, — людие, ходеще въ тмѣ, видѣше свѣтъ велей. Живущи въ странѣ и сѣни смрътнѣй, свѣтъ въсияетъ на вѣ». И Михей же: «И ты, Вифлееме, — рече, — доме Ефравовъ, не мнѣй еси еже быти въ тысуцахъ. От тебе бо ми изыдетъ еже быти въ княза въ Израили» и прочаа, яже, проходеще, явленнѣйше въ коихъ'ждо мѣстѣхъ в'са покусим'се разумѣти. Ничто же ново прочее, аще, якоже Галилеу и Вифлеема, сице и Назаретъ великъ являше, еже тому въ немъ жити изволити, и многихъ благъ и великихъ испльнити, непричестна сими суща прѣжде.

Яко убо судиа яко въистину живымъ есть и мрътвымъ, аще и проходеще простран||нѣйше речется, нѣ обаче ничтоже възбраняетъ мала нѣкаа и ниня рещи. Услышимъ убо, аще и мнози суть глаголющеи о семъ, по настоящему же божеств'наго Давида — въ деветдесетомъ и петомъ псалмѣ: «Р'цѣте, — рече, — въ языкѣхъ, яко Господь въцарисе; ибо исправи въселеную, яже не подвижитсе; судитъ людемъ въ правину. Да възвеселетсе небеса и да радуетсе земля, да подвижитсе море и испльнение его; възрадуется поля и в'са яже въ нихъ; тогда възрадутсе в'са дрѣва дубравнаа от лица Господня, яко гредеть, яко приидеть судити земли, судити въселенѣй въ правду и людемъ истину своею». Еще тѣже въ псалмѣ девет'десет и седмомъ: «Въскликнѣте, — рече, — прѣдъ царемъ-Господемъ. Да подвижитсе море и испльнение его, въселенаа и в'си живущи на ней. Рѣкы възплещутъ руками въкупѣ, горы възрадутсе от лица Господня, яко гредеть, яко приидеть судити земли; судити въселенѣй въ правду и людемъ правостию».

Чтѣ убо? О человекѣ ли глаголетъ сиа пророкъ, или о аггелѣ, или о Бозѣ? Явлено есть в'сако, яко ни о человекѣ, ни о аггелѣ сиа глаголетъ. Ни бо есть мощно человеку себѣ судиу быти? || Не убо. Нѣ ни аггеломъ кто Господь или Судиа именуется, нѣ раби и сии именуется в'си и суть Божии творения, аще и тваремъ инѣмъ прѣимутъ честиу. Избостаетъ же Богови подобати нещевати глаголемаа. Еда убо Богу и Отцу подобати речеть кто? И убо не прииде онъ на земли. Избостаетъ убо о Сыну и слову Божию сиа пророку глаголати пришьдшому на земли, якоже и в'си пророци и Иеремиа рече. Съматрай же добрѣ опаснѣство пророческихъ словесъ. Прѣжде убо рече просто, яко гредеть; таже наводитъ, яко гредеть судити земли, судити въселенѣй въ правду. Являетъ же прѣвое убо, яко въ смѣренѣ прииде образѣ, не судити въселенѣй, нѣ научити и просвѣтити и къ истинному богочестиу множество еврейъ руковод'ствовати,

и повинути ни безаконовати, ни идолослужити, дръжати же данный от него Новый Заѣтъ, Еуаггелие явѣ яко, о немъ же рече пророкъ, яко «Скончаю на домъ Израилевъ и на домъ Иудовъ Заѣтъ Новъ» и прочаа, егоже заѣтъ и апостоли прѣжде тѣмъ проповѣдаше, таже инѣмъ языкомъ. Въ вторѣмъ же его пришествии яко Богъ приидеть и Судиа страшнѣ, егда и небо — аггели явѣ яко в'си, и земля — иже на ней явѣ яко чело-вѣци — подвигнутсе от лица его. ||

Видиши ли, о Ксеню, како судиа мрътымъ и живымъ мой Христос и л. 199 об. Богъ показуется? Сиа бо прочее, якоже рѣхъ и въ прѣждныхъ, явлена тебѣ сътворити покушусе многими и великими писменными указан'ми. Ниня же да възведемъ слово отнудуже изыдохомъ.

Моусеоваа книга патриарха Иуду съчетатисе глаголетъ Фамарѣ, своей сынѣ, и близнѣнъ зачети ей. Рождениу же врѣме дошѣдшу, прѣдтещи убо матернюю утробу Зарѣ — не по правости же, нѣ льстинно, и руку убо проложити от прочаго тѣлесе. Баб'ствующиа же устрѣмленiemъ нѣкимъ божеств'нымъ об'везати сиу предивомъ чръвенѣмъ. Оному же руку съпретавша вьнезаапу, Фаресу же уступити происхождениа, послѣди же приити ему. Бабѣ же, чудесе се испльнѣ видѣвшою, от въдохновения нѣкоего божествна велегласно нѣчто и велми възупити: «Въскую разорисе тебе ради ограждение?» В'са убо прочее быти прѣславна, яже рождениу сему приключашаесе, в'сакъ кто убо речет. Что когда же убо речемъ разумѣти реченное от бабы, яко «Разорисе тебе ради ограждение»? И явѣ, яко Законъ, егоже и Исайя въ притчи винограда ограждение именована, || уступити рече Еуаггелиу, и виноградъ, языкъ л. 200 ванъ явѣ яко, въ расхыщение ожидается. Разумно бо прочитае реченнаа, се обрѣщеша рекши бабѣ не от себе, нѣ якоже рѣхомъ, Богомъ подвижима, еже пророкъ рече Исайя, яко «Разору ограждение винограда, и будетъ въ расхыщение». Якоже бо Зара, вьмалѣ явьсе рукою, съпретасе и съкрысе въ чръвѣ матер'ни; съзади же гредѣ Фаресъ прѣдвари, въспет оставивъ мнѣщагосе прѣва быти; сице и иже евреомъ данны от Бога Законъ: вьмалѣ обладавъ и явисе, пришьдши же еуаггел'ской благодати нескуднѣ и съврьшенѣ и въ миръ вьсъ просиавшой паче тмамы солн'цѣ, скрысе прочее Законъ.

К с е н ѣ: Аще, по твоему слову, о цару, Еуаггелие благодать есть и истина, изьостаеъ прѣльсть быти глаголати Законъ и лжу вьсма. Сматрати убо подобает, колико будетъ повьсуду безмѣстное: или убо не быти вьсма от Бога данъ Законъ понудимсе глаголати, или от него убо быти, лъжа же, яко възражатисе и обoими в'са святаа и чьстна, и в'си пророци, еще же и словущее на Синаи богоявление.

Ц а р ь: Нѣ глаголю, Ксеню, от сихъ ничтоже. Нѣ дану быти убо языку от Бога Законъ, — и азъ, и в'си убо рекут. Сѣнописание же нѣкое быти и якоже образу прѣд||начрътание: яко же убо съврьшенемъ шаровомъ л. 200 об. образу приложенемъ потрѣбляеъсе убо прѣвое проначрътание сѣнописаниа, не затираетъ же се вьсма, истѣйшую бо истину образъ прѣдставляет, сице ми разумѣи и о Законѣ и Еуаггелии. Истина убо есть Еуаггелие, никако же лъжа Законъ являеъсе сего ради, нѣ и от Бога данъ быти вѣруеъсе, и праведнѣ быти, и святѣ. И якоже сѣнописан'ное къ явлению несьврьшено и тьмно образъ, сице и Закону недостаточное Еуаггелие наплъни, вьнутрь бо сего и Законъ добрѣ кто убо съматрае обрѣщет. Развѣ бо малыхъ, ихъ же съмотрениа ради и потрѣбѣ тогдашнему врѣмену подобныхъ прощенихъ, ихъ же и кромѣ никыйже послѣдуеътъ врѣдъ, в'са законнаа зѣло ясно утврѣждаеътъ и учить Еуаггелие. Абие бо, еже не прѣлюби сътворити, ни украсти, ни лъжесвѣдѣтел'ствовати, еже любити Бога от в'сее душе и крѣпости и мысли вещьше и по выш'шему зѣло слову учит Еуаггелие. «Не прѣлюби сътвориши», убо онъ рече; Еуаггелие же: «Ни да пожелаеши». Зри же различное: овъ убо, пожелавъ иного жену, въздрѣжатель убо рекше бывъ, искушенъ бысть убо, от||рази же въздрѣжанiemъ прилогъ, ключи же се не супротивисе, нѣ побѣжденъ бысть. А иже л. 201

от начела не пожелавъ како убо когда прѣлюбодѣй будеть? Законъ рече: «Не украдеши»; Еуаггелие же не сему тѣкмо ошаятисе, нѣ и къ поданиу нищим готову быти и в'сѣмъ просещимъ. Онѣ «зубъ, — рече, — за зубъ въздавати; Еуаггелие же толико потрѣбовоа противу томление приеmati научити, яко и биемымъ еще себе подлагати, иже множаке насытитисе трѣбующимъ гнѣва: «Иже бо те заушит, — рече, — въ десную ланиту, обрати ему и другую, и иже те поиметь поприще едино, иди съ нимъ двѣ». Законъ: «Вздаси, — рече, — Господеви клетвы свое», сирѣчь, да не клетвопрѣступиши; Еуаггелие же не клетисе вѣсма повелѣваетъ, ов' бо многази убо добрѣ клѣн'се рекше еще когда и погрѣшит, а иже никако сѣ творе како убо когда въ клетвопрѣступленій етъ будеть? Законъ попущае мужу жены водити, елики еще питати может, о посадницах же слово никаково убо сѣтвори, нѣ безъ истезаниа остави; Еуаггелие же единому браку вѣнчавши же се прѣввой мужу женѣ къ второму браку прих||дити, а еже о посадницах вѣсма отрыцаеть, и ни даже до сихъ стоит, нѣ еще и бракъ не отрыцает нужде ради естества, вѣсть бо сѣ добрѣ сего съдѣтель, нѣ дѣвство прѣдпочтено полагаеть и вещьше вѣнчавае иже сему съжител'ствовавших. Рече же сѣ, не нужду вьводе, нѣ бол'шее съвѣтуе и вып'шее, «Иго бо мое, — Господь рече, — благо есть, и брѣме мое лѣг'ко».

л. 201 об.

К с е н ь: Еще и сѣ приеmati подобати речени, цару, яко и чловѣчьскому естеству есть творыц' дрѣводѣле Иосифа сынъ?

Ц а р ь: Едино ти есть нужда, Ксеню, искати: аще Богъ есть. Аще ли сѣ тебѣ явлено будет, явѣ яко и творыц' убо будет чловѣчьскому естеству и в'сей твари яко Богъ. Аще ли нѣсть Богъ, в'сако ни же творыц'. Нѣ убо о сихъ слово, по обѣтованиу,² да пождитъ. Да идем' же на прѣжднаа.

Законъ рече, яко хотей да даст книгу распустную женѣ своей и да отпущаетъ ею; Еуаггелие же: «Их'же Богъ, — рече, — съчета, чловѣкъ да не разлучает», «Оставит' бо чловѣкъ отца своего и мать и прилѣпитсе къ женѣ своей». И еще: «Да не разлучаетсе, — рече, — развѣ словесе прѣлюбодѣйна». Сиа убо в'са ни по чесому противетсе Закону, паче же убо подъемлетъ и съспособ'ствуетъ.

л. 202

К с е н ь: || Аще, по твоему слову, о цару, а не инако въ Еуаггелии писано есть, и азъ и в'си убо тебѣ съгласет не быти сиа Закону разорение. А яже рекль еси Закону мала и ничтоже приносяца врѣдъ прѣступаема, каа сиа суть? Ни бо вѣмъ. Сего ради и ничесоже о онѣхъ извѣщаю. Чюдити ми се убо, аще что от законныхъ и зѣло мнѣше прѣступаема безъ истезаниа будет, ибо аще что от в'сѣхъ удобъ небрѣгомо было би и яково убо не принести тыщету прѣступаема, не би убо мнѣ испрѣва от Бога прѣдано было.

Ц а р ь: В'са сиа прошѣдь намъ слово скажетъ.

К с е н ь: Буди сиа. Обаче еже рѣхъ — недоумѣнше нѣкое немало помысль обращает ми. Кому толико крѣпость прѣмудростна прибысть. яко истицу показати законное разорение?

Ц а р ь: Мало удръжи и в'са тебѣ удобнѣ сказана будутъ. Буди да речемъ никакоже прогнаватисе Богу на вашъ языкъ. Ни же сице вѣсма недвижима законнаа прѣбыли би убо? Ни бо младенцемъ присно матер'нее пзливаетсе млѣко въ възрасть происходецимъ, нѣ тврдѣйшѣ пища подаваеетсе възрасту прикладнаа. Ни пестунмы присно съврѣшаютсе дѣти, възрасть юже прѣ||шьдѣше дѣтищны, нѣ учению же трѣбують съврѣшенѣйшихъ. Прочее ни вамъ присно свободное прѣбывати подобаше?

л. 202 об

Тогда бо убо вьновѣ от иже въ Егуптѣ нищѣ и страстий и идолослужения измѣншимсе не бѣ стрѣпѣти опасньство еуаггел'ское. Сего ради таковъ данъ бысть Законъ, добръ убо и святъ, несъврѣшен' же обаче и невъзмож'нь о себѣ. Еже бо что несъврѣшено есть въ себѣ едва нѣгде съврѣшит друго. Нѣ тѣ же да не услышавъ, яко, и не съгрѣшавшимъ вамъ, ни же къ томлению Бога раздражившимъ, упразнитисе Законъ хотѣаше? Речени,

² Слова «по обѣтованиу» приписаны над строкой.

яко понеже несврѣшенъ бѣ Законъ и разорити се хотѣаше, излишно бѣ еже вѣнмати тому, аще бо и мѣ прѣступаемъ еже Богъ разарати хотѣаше, ничто же пакостно би было. Не сѣ глаголи, ни бо прибываетъ отвѣту сему праведное.

Принеси бо рѣди, нѣкаа потрѣбѣ понуждающе, кукуерицу от траве и трѣстия и прилучившихъ се дрѣвницъ всуе устроити и съ небрѣженіемъ, повнегда же сеи нужди мимогекши от каменія и желѣза и вара въ храмину благолѣпну и велику устроити. Таже вселна вввести въ нѣю. Оному же, съмотрение неразумѣвшу устроившаго || и неудобренное кукуерици скръбца, прѣжде врѣмене разорити, в'сакого съвѣта вѣнѣ устроившому же и съдѣтел'ствовашому. Что убо мнит' ти се: еда убо убѣже еже не дати мьсть иже кукуерицу разоривъ? Не убо, речеши и самъ. Таково нѣчто разумѣти ти праведно и о Законѣ и езыцѣ иудейском. Хотѣаше убо иже роду единому вашему данъ Законъ, якоже рѣх, празднѣ быти, Еуаггелие же вселеную в'су и езыки в'се протещи въ врѣме же подобно. За ваше же неразумное и жестокое и злонравное, паче же нечѣстия ради прѣвеличѣства, отъеть ограждение, рекше Законъ, иже винограда господинь, сирѣчь языка вашего, и бисте въ поправление и расхыщение.

л. 203

И от нѣихъ же многыхъ явлено Закону от Бога прѣложение будет ти. Пророкъ бо рече Давидъ, яко «Клет'се Господь и не раскается: тѣ еси священникъ въ вѣкы по чину Мелхиседекову». Прѣвѣ убо поставивъ, испитай, как не рече «по чину Аароню», от левитскаго бо племени поставляхусе священники, из негоже бѣ тѣ, нѣ «по чину Мелхиседекову». Аще бо съврѣшение левитскаго священ'ства би было и людие на не възаконени би, что убо и еще потрѣбова «по чину Аа||роню» глаголатисе? Прѣлагаему бо священ'ству, в'сако кромѣ слова, и Закону прѣложение бываетъ. На него же глаголютсе сиа, колѣну иному причестисе, от негоже никто же причестисе къ олтареву, проявлено бо, яко от Иуды вѣсія Господь, от него же колѣна ничесоже о священ'ствѣ Моуси глагола. И лиш'ше еще явѣ есть, аще по подобію Мелхиседекову вѣстаетъ священникъ инъ, иже не по Закону заповѣди плѣтскыя бысть, нѣ по силѣ жизни нераздрупеннѣй, свѣдѣтел'ствует' бо се, яко «Тѣ еси священникъ въ вѣкы по чину Мелхиседекову». Вѣми опасно, о Ксеню, глаголемымъ, да разумѣши, яко о Христѣ рече Давидъ, яко «Тѣ еси священникъ въ вѣкы по чину Мелхиседекову», и яко прѣлагаему священ'ству от левитскаго колѣна въ Иудово, рекше Христово, от того бо бѣше, по нужди прѣлагаетсе и Законъ. Прѣвѣ бо убо сѣ прѣлагаетъ Законъ по нужди по ему же рѣхомъ слову; второе же, яко иже присно переомъ скончавающимсе инии прѣмляху священ'ство, яко убо да не великаа потрѣба сего прѣстанет. Христосъ же, единою умрѣ и въскрѣсь из мрѣтвыхъ, прѣбываетъ по емуже чловѣкѣ, не ктому умирае, нѣ нетлѣніемъ и бесъмрѣтиемъ || одѣянь, священникъ въ вѣкы, якоже божеств'ны рече Давидъ, яко «Клетсе Господь и не раскается: тѣ еси священникъ въ вѣкы по чину Мелхиседекову». Видиши ли, како? Священ'ству убо Давидъ прорече прѣложено быти, прѣложено же бывшу сему, по нужди послѣдуетъ и Закону прѣложение. О семъ убо толика. На ино же слово да приведемъ, показующе в'сѣми, како вашъ убо езыкъ Богъ оставити хотѣаше за неблагодарное и жестокое и въ нѣ невѣрное, присвоети же езыки.

л. 203 об

л. 204

Единому от судий, Гедеонъ бѣ сѣ, Богъ повелѣ на иноплеменники напасти. Он' же, не възрѣвъ, ни разумѣвъ Божие в'семоцное и неизмѣрное крѣпости, нѣ къ себѣ же и люд'ское зре перадение и устрашение, яко мали къ множеству иноплеменникъ бѣху, негодоваше повелѣние и прошаше от Бога знамение, да извѣститсе, аще вѣистину побѣдитъ иноплеменники, якоже оному повелѣно бѣ. Знамение же, еже прошаше, таково бѣ: да положену бывшу на гумнѣ руну влѣнѣ, на немъ тъкмо убо да сънидетъ дѣждь, гумно же да прѣбудеть сухо и не мокро, якоже прѣжде. Еже убо и бистъ: еже бо окрестъ руна земли ни малѣ у||бо причестившише влазѣ, на толицѣ причестисе руно, яко испльнити рукомы

л. 204 об.

воды изъжъмь. Он же, толику чюдеси недовольн' бьвь, ни умльчавь, паки прошаше росу и безъдъждие быти, сырѣчь на гумнѣ убо росу, сухо же прѣбыти руно. Еже убо по Гедеонову прошениу бысть и сѣ. И овь убо, извѣщение о сих приемь, сътвори убо повелѣнное от Бога, и брав'се съ иноплеменники, одолѣ и побѣди. Елма же в'са древняя образи и якоже прѣдначрътаниа будущимъ бѣху, и реченное не мьне знамение обрѣщет кто убо и паче сълагаемо иже послѣди скончавшимсе, прообразовати бо убо речеть кто гумно убо в'су землю, руно же иудейскѣ языкъ, росу же паки, еже на руно тъкмо пр'вѣ съшьдыши, иже от Бога посилаемую иудейскому множеству благодать же и посѣщение. Сушу же паки убо еже на рунѣ, а еже на гумнѣ росѣ обилие — еже лишитисе убо вамъ еже от Бога благодати же и помощи и присвоениа и упокоениа, в'су же землю и в'сакъ языкъ сими прѣизобылном быти.

Сиа бо и оно пророчское противу прорече, яко от лица Божиа глаголемо, яко «Разору оцлот винограда мо||его», рекше Законь, «и будет въ расхыщение, и заповѣдаю облаком еже не одъждити въ нь», на языки же — роса и в'сако благо. И еже пророкомъ Исаем паки глаголемо: «Възвеселисе неплоди, не раждающиа; растрѣгни и възупи небо-лѣвшиа», языкъ бесчеднаа церкви явѣ яко, «яко многа чеда пустыа, прѣжде бесчеднѣ и бесплоднѣ, нежели имущой мужа», реку же еврейской церкви, имущой Законь и пророки, или паче самого Бога. Се бо мужь назнаменует и чеда. Се бо самое прознаменоваше и еже неплоди роди сед'мь, сырѣчь множество сыновъ от божеств'на Духа раждаемых приеть языкьскаа церкви, и многаа въ чедѣх, реку же съньмь иудейскы, изнеможе. Въмѣсто еже пасту бысть от божеств'ныа благодати.

Прочее же за их'же рѣхом не въсма ли бывает явлено, яко и языкъ от древных оставлень бысть от Бога за их'же рѣхомъ вины, и Законь упражнениемъ осуждены бысть, и яже языкомъ даннѣ блага еуаггел'ские ради благодати издалече от всѣх пророкъ проповѣдано бысть? И убо аще в'са събрати по сихъ въсхотѣль быхъ яже сего явѣ прѣдставляюща, въ велику нѣкую длъготу намъ слово простретсе. Тѣ же како имаша о речен'ныхъ?

а. 205 об. К с е н ь: || Явѣ, о цару, яко божеств'наго Писаниа сиа в'са суть, и не инако убо противляюсе. Кое же убо извѣстно указание будет' ми, не о множеству неподобныхъ сиа в'са пророки глаголати, нь, якоже тѣ рече, о злочьстиу и невѣриу?

Ц а р ь: Азь убо мнѣ явѣ намъ и от иже съмѣрнѣ реченнымъ указано бити вашему граду раскопане и множество плѣна, и сего ради яко достойно и законное прѣложение. Елма же сумнишисе еще и не въсма повинувешисе, явленѣйша тебѣ сиа проходе поставити покушусе. Нужно же мню о нихже именована прѣжде мала, яко убо дрѣвесемь кланяемсе и идоломь, святые и честные иконы сице нарыцае, мала же нѣкаа въспоменути.

Всакъ убо грѣхъ инь, еже аще кто въ Бога съгрѣшает, Бога убо разгнѣва себѣ. Ничто же толико съдѣла, елико поклонивысе идоломь; се бо въсма отсѣцает от Бога, яко бѣсовомъ явѣ сѣ служба идол'ское поклонение. О сем' бо и еже «Рече безум'нь въ сердци своемъ: нѣсть Богъ», — пророкъ рече Давидь. Елма же таково нѣчто и о нас непщуети, явлено абие тебѣ положити непщую еже о семь.

а. 206 Немощни суще чловѣчьсци помысли и ничтоже имуща тврьдо, нь удобнѣ къ прилучившимсе влѣк||ми, скоро зѣло божеств'ныхъ благодѣаний забытливѣ бываютъ, тѣмже и прѣмудрѣ рече Соломон, яко «Помышления мрътв'ныхъ в'са страшива, и пакостна умышления ихъ». Да не убо по-малу растлитсе и отлетит чюднѣмъ дѣломъ память моего Христа и Бога, их'же съдѣа же и пострада яко чловѣкъ, нашу плоть понесе поистинѣ, художество нѣкое сѣ божеств'но и зѣло пользно отци избобрѣтено бысть, яко убо на стѣнахъ и нѣкыхъ дьскахъ оногю пишуща и зреща образъ, въ помет приходимъ толика благодѣяниа. Сихъ ради убо и пишемъ,

и покланяемсе и целоваемъ Христовъ убо и того божеств'ные, и приснодѣвы матери и инѣхъ святыхъ мужи.

Покланяем же се не служительнѣ, нѣ любовнѣ и еже къ нимъ любви показующе зѣло топлотное. Служителиѣ же тъкмо Христу покланяемсе, егоже написаны образъ. Саму же онѹ того рожьдѣшную приснодѣву Марию и тое образу, еще и инихъ святыхъ и самѣмъ онѣмъ, не служительнѣ, якоже рѣхъ, нѣ почитателнѣ покланяемсе, прѣвосилающе почестъ на прѣвообразнаа, их' же ради о Христѣ различными брашесе скръбными, плоть свою добродѣтелиу изнуривше, и их' же инии многовидными смъртными образы въ||врѣжени быше.

: 206 об.

Указание же тебѣ явлено еже почестъ образа на прѣвообразное прѣходити — повелѣние цареве. Вѣси бо, яко аще что таково от кого-либо прочитаемо сълучитсе, в'си прилучив'шеисе абие, аще сѣдеще сълучетсе суще, встают же, и многы испущают гласы, похвалами и благодарен'мы и в'сѣми вѣнчающе и въздающе цару гласы; мнози же и свое ихъ главы приложише. Се же и тебѣ вѣдѣти мнѹ добрѣ.

К с е н ь: Зѣло же.

Ц а р ь: Что же когда убо, еда мнети се хартии и чрънилу, или чръвени почестъ онѹ въздавати писменомъ? Никако же. Понеже от сихъ коеждо ничтоже есть о себѣ, на цара же прѣводеще почестъ, оному вые подклонити мнетсе, писмомъ, еже рѣхомъ, обрѣмѣнями.

К с е н ь: Мнит ми се.

Ц а р ь: Добрѣ. Да будет' же тебѣ знаемѣйше, еже не службнѣ сиа нам покланяитсе не мѣне и от сего. Назнаменаны бо от нумие, вѣси и самъ явѣ яко, яко овѹ убо Христова, ина же того матери, или нѣкоего от святыхъ образы имуть въображены. Нѣ мало, паче же ничесоже убо намъ брѣгомо о онѣхъ почести. Нѣ бо въ чсть прѣвообразныхъ сребра или злата та умышлено бысть назнаменоватисе. По||знание же якоже нѣчто сѣ златници начрътаваем и инако являюще, яко христианомъ сѣ есть. Сихъ бо ради, и по земли аще сълучитсе помѣтающе, и огню и изварениу прѣдающе, и заглаждающе, и съкрушающе, аще и замѣненмы же и куплями въ руцѣ нечъстивыхъ полагающе, не раз'ньствуемъ. И тебѣ же самому вълагалище мнѹ или домъ аще кто испитает, таковыхъ христиан'скихъ златицъ немала убо обрѣщеть, от христианѣ в'сако, а не отинудѣ данна тебѣ. Нѣ ни яко что убо дающимъ брѣгомо. Толико бо трѣбуемъ образи служительнѣ угаждати, яко аще и по пѣкоемъ сълучаю еже на дьсцѣ ключимо или на стѣнѣ написаному образу казь оцѣститсе, ничто же ино развѣ стѣнѣ еще стѣнѣ и дрѣво инако непщуемъ дьску, изнурающе, аще когда сълучитсе, и огнемъ. Видиши ли, яко не идоломъ служити есть, якоже мниши, еже кланяитсе иконамъ. Ни же еже кланяитсе, нѣ покланяющихсясе мысль имущихъ разумъ искушается. Аще ли хочени, и от вашихъ сѣ тебѣ сътворю явленнѣйше.

: 207

Прѣродител' бо вашихъ неразумие и неблагодарное зре Богъ, яко скоро благодѣяний его и различныхъ благодатий забываху и удобнѣ памет в'сѣхъ изгоня||ху от душе, ихъ же благопострадаше въ Египтѣ же и въ пустыни и пов'суду, повелѣл' Моусеомъ въ книгахъ нѣкихъ написана чудеса руками священническими отдѣлитисе. Что же, когда убо хартии ли и чрънилу почестъ отдающе бѣху написан'наа? Никако же. Нѣ, зреще онѹ, благодѣяния помышляху, въздвизающе памет видѣниу и на благодарение по-малу утѣшающе. Что же: не боговидцѣ ли Моуси херувими образы, сътвори, положи въ оцѣстилище? Нѣ не мѣшесе идолослужити. Что же убо речеть кто о кивотѣ и ихъ же въ немъ, завѣтныхъ скрижали реку и имущой манну стамѣ, божествнаго же жьзла Ааронова и златые кадилнице. Не он' ли убо от дрѣвѣ, от вещи же сиа прѣстнѣ, злата бо бѣху суца? Нѣ ничтожде сѣ пристоаше иже изредно сиа чьтущимъ же и почитающимъ; толико бо тѣмъ стидѣние прибысть и почести, яко убо иединому от в'сѣхъ мощно быти или приближитисе, или прикасатисе въсма, аще не от священник

: 207 об.

кто от левитскаго бѣ племене. Вѣси бо мнѣ Возана ³ оного, какво томление дръзости подѣть, и сиа от благочыстивые мысли, якоже непщеваше, *л. 208* съвъкупльсе кивоту: подкрѣпляти || бо начинаше низвержену быти хотещу прѣклоншусе носещому юнцу. Нѣ никакоже запинаемо бѣ вещное еже божеств'на и быти и непщеватисе. И убо божеств'на нѣкаа в'сако и зѣло бѣху чыстна самаа же лежимаа и имущий кивот. Ни бо мнѣ трепета кромѣ есть поменути их'же оного ради съдѣваемых множицею чюдесѣ. Колико что бо бѣ Иорданово, ово убо подтечи и пролитисе въ море до дна его, ово же якоже ледь съгустившисе стати, священноком' же посрѣдѣ стояти рѣчные земле, кивот носещим, и прѣхождение без'трудно, по суху бо прѣхождаху, множеству подающимъ, иноплемен'ные же якоже видимыми страхомъ издыхающихъ зрѣти, и Иордану паки цѣлу въсприемлющу путь, понеже послѣди в'сѣхъ прѣидоше и священници. Колико же паки бѣше еже седмыи дньми обхождениа священником' же и кивоту Иерихону стѣнамы сътресеномъ быти, и в'сѣмъ купно тѣмъ начелствующимъ плѣненомъ быти сущимъ въ немъ. Каа нѣкаа сила сиа дѣйствоваше: еда дрѣвеса же и прочаа? Нѣ. Нѣ понеже ино убо бѣ видимое, ино же разумѣваемое, разумѣваемому сила дѣйство||ваше дѣйствуемаа. *л. 208 об.*

Не от врѣмена убо будеть и юже рѣх умную силу тебѣ явити. Кивот бо образ' бѣ и подобие иже Сына и Слово Божие Христа рождышой чистѣйшей и приснодѣвы Марие, а яже въ нем, аще и Христа являше въселшагосе въ дѣвую, нѣ и сиа в'са тойжде бѣху образъ неск'вр'ные и прѣнепорочные Марие. Еже бо убо от дрѣвъ законное устройство кивоту прѣстное ее являше и еже Адамовѣ быти дщери. А еже злата кадилница — еже паче в'сѣхъ чистое ее и еже хотѣти ог'нь божества еже в'су изнурати злобу приети, Сына Божиа явлено, иже и умно суще кадило, аггели же в'се и человекы облагоухавае. Скрижали же и начрътан'наа от Бога словеса явленнѣйше прознаменоваху: ова убо — ту яко мрътвна сущи естества, словеса же — иже безъ сѣмене въселшасе въ нѣо Божиа Слова. Жъзль же и тѣ приснодевую Мариу образоваше: якоже онь сухъ сущъ и немокрь, напрасно процѣвте и плодовитъ явисе, инѣмъ жъзломъ сухомъ, якоже прѣжде прѣбывшимъ, сице и тѣ, от всѣхъ из'бран'на родовѣ, цвѣтнетлѣнна, Христа безъ сѣмене *л. 209* роди, — якоже жъзль безъ земли и воды израсти. А иже манну || носещи златаа стама — сиа убо чистое являше Богородице и непорочное, а еже вънутрь имѣаше манну — иже съвыше въ нѣо съшьдѣша Бога Слова: якоже бо она прѣславно съхождаше, сице и Божий Сынъ паче в'сакого слова и в'сакые мысли аггел'скые же и человекъскые на приснодѣвую съниде, от тое прѣчистиыхъ и нескврънныхъ кровий же и плетий плоть себѣ създавъ. И якоже съврѣшень бѣ Богъ, сице и съврѣшень по в'сему бысть человекъкъ, нѣ не по привидѣнию, якоже нѣции непщеваше нечъстивѣ.

Помысли же и zde, како небесную ону и богоданную пищу, о ней же пророкъ Давидъ рече «Хлѣбъ аггел'скы яде человекъкъ», ядуще отци ваши, ни тако еже рыпяти отступише, нѣ прѣд собою непщеваху егуптскаа мяса и иныхъ пицѣ, и паки крастели, и еже от нихъ сытость не устидѣвшесе, божеств'нымъ гнѣвомъ за неблагодарное искушени быше, еще и сиа брашну въ онѣхъ сущу устѣхъ. Блюди же: да не хлѣбъ аггел'скы слышавъ манну пророку рекшу, или аггелы тѣлесные нѣкое трѣбовати пице възнепщущи, елма манна тѣлесна бѣ, или въспет паки аггел'скою нѣкоею и умною пищею тѣлеса състоатисе человекком. Есть же ничесоже от сихъ: *л. 209 об.* нѣ от земли убо человеккомъ създание имущимъ, и земельнымъ потрѣба пицамъ; аггели же, умни суще и от вещи и тѣлесѣ далече, подобну имутъ естеству и пищу, яже есть самѣ Богъ, егоже и пищу имутъ неиздаему и неподтекущу, и радость непрѣстанну, и свѣтъ, в'саку прѣвъсходе свѣтлость, ееже пице себе диаволь отлучивъ, горшу в'сѣхъ и лютѣйшую прѣтрьпѣ смърть, аще

³ «Вѣ» приписано рукою писца на поле (слово начинает строку); первоначально было «Зана».

и жити мнит. Ангели же, сию ядуще пищу, присно живут и живи будутъ въ непрѣходимые и бесконьчныя вѣкы.

Сего ради на Бога самого възложихомъ аггелы имѣти пищу, манна же тѣхъ Бога и владыку Иисуса Христа проявляше съходяща съ небесѣ и выпльтившасе от чистие Дѣвы. Въ лѣпоту убо и пророкъ указателнѣ хлѣбъ аггелскы манну нарече, яко образуе хлѣбъ, рекше пищу аггел'ску, Господа, насытити хотещаго в'саку душу неиздаемые умныя и божественныя пице; якоже вмѣсто в'сакыя пице и она иудеом бываше. Сего ради убо и самъ Христос, выпльщ'се, глаголаше: «Азь есмь хлѣбъ, иже съ небесе съшьды». Не, якоже рѣхомъ, тѣлесны съ нариче себе хлѣбъ, нъ указателнѣ хоте явити, выстину якоже нужднѣйши от в'сѣхъ есть хлѣбъ пица еже на в'сакъ день подтекае от тѣлесъ на||цльняе же и съставляе, сиче и Христос душе иже въ нъ вѣрующихъ исчезающихъ прочее и якоже издыхающихъ оживляеть и грѣеть.

л. 210

Яко убо будущее яко прѣшьдѣшее пророкъ рече, явѣ яко еже «яде» вмѣсто еже «ясти имать», да не почюдишисе. Обычай бо есть Писаниу множествнѣ образомъ сѣмь въобразати слово. Яково есть и еже «На рѣцѣ Вавулон'сцѣ, ту сѣдохомъ и плакахомъ» — не у еже въ Вавулонѣ сълучившусе отведеніу, и еже «Въ рѣцѣ проидуть ногами» — еже съ кивотомъ въ Иордани глаголе прѣхождение людемъ.

Сиа убо в'са тебѣ приведохъ, оно разарае еже по насъ о святыхъ иконѣ почести и поклонения грѣхъ, явѣ тебѣ прѣдставляе в'сѣми, яко не служител'нѣ симъ, якоже нѣции мнетъ, поклоняемсе, нъ, якоже рѣхъ, на прѣвообразнаа прѣводеще почеть. Аще что убо повинуешисе, да глаголеши убо.

К с е н ь: Многа же и нужда иже от тебе глаголемыхъ исповѣдовати. И ни едино мнѣ укорити праведно мнѣ положено истиною.

Ц а р ь: Не безгодно убо нещущи прочее молитву якоже начетки нѣкыя словесемъ Богови дати:

Богъ убо святой, иже въ Троици пѣваемы, иже твоимъ очесемъ умнымъ коснувысе и сихъ вѣсма смѣженыхъ ма||лито отврѣзь, тѣ и прилучившуюсе тѣмъ прѣльсть, якоже нѣкый врѣдъ, очисти, и Авраама и Исаака и Иакова вѣру души твоей даровати, истинно сущое познати, юже о Бозѣ реку испытваемую истину, и не якоже въ гльбоцѣ невѣдѣнна тмѣ заблуждаему обноситисе.

л. 210 об.

К с е н ь: Сладцѣ зѣло молитвѣ, о цару, слышещу, любовь никакоже мала посрѣдѣ мною глаголемыхъ вскочи въ души о ихъ же рекль еси троичныхъ услышати словесъ. Слыше бо Троицу христианомъ вамъ почитати, никого же о сихъ выпрашахъ. Ниня же понеже добръ прибытькъ словесемъ сѣ приложилъ еси и усрѣдна себе даеши о нихъ же навькнуги желаю, не малу мнѣ и сну добрѣ вѣждь благодать положь, аще и сиа скажеша.

Конѣцъ еже на иудеихъ второму слову.

СЛОВО ВТОРОЕ ПРОТИВЪ ИУДЕЕВЪ*

И м п е р а т о р: Нужно теперь, я думаю, Ксен, более тщательнѣ исследовать, какъ обстоитъ дело. И если окажется, что вы — божьи люди, хорошо, примемъ то мнѣние, что пророкъ сказалъ это о многократно погрѣшившихъ. Если же сами дела ясно обличатъ васъ какъ людей, далекихъ от Бога и от истины, получитсѣ, что изречение имеетъ в виду не грехи, какъ ты говоришь, а веру.

К с е н: А ты-то веришь, царь что не безъ божественнаго участия пророки изрекли то, что они изрекли?

И м п е р а т о р: Конечно. А какъ же иначе? Предпочелъ бы умереть, чемъ быть причисленнымъ къ неверующимъ.

* Благодарю А. И. Зайцева за проверку этого перевода.

К с е н: Раз так, то и Давида ты должен отнести к пророкам и его слова считать божественными и непреложными.

И м п е р а т о р: Разумеется.

К с е н: А разве он и Моисей не называют совершенно ясно Израиль уделом наследия Богу? И у других пророков не называется ли он народом Божиим, святым народом и царственным священством? Не нелепо ли верить, что мы, дети Авраама, Исаака и Иакова, точнее же самого Бога, хранящие данный Богом закон, блюдущие опресноки и субботу, исполняющие праздники, чужды и ненавистны Богу? И это — люди, столькими авторитетными изречениями заверенные в близости к Богу! И при том утверждать, что вы — дети идолопоклонников и безбожников, по сю пору хранящие тлеющий жар древней испорченности, принявшие за Бога и сына божия распятого и умершего человека и поклоняющиеся ему, — божьи?! Нечестиво и думать так, и пытаться убеждать в этом других.

И м п е р а т о р: Разговор о Христе и кресте давай, если ты не против, пока отложим, а сейчас сопоставим ваши мнения с канонем Писания. Немного погодя я достаточно обстоятельно расскажу тебе и о них, как и прежде обещал.

Что пользы хвалиться вам тем, что вы — сыны Авраама, зоветесь детьми Божиими и что Давид назвал вас уделом наследия Богу и прочим, что ты только что высказал, коль скоро вы не удержались в истинной вере? Такого рода почести можно было бы воздать ведь и дьяволу, ибо до падения ему на долю выпало принадлежать к кругу лучезарных ангелов. Пример того же самого являет собой и праотец наш Адам: Бог доверил ему рай, и Бог провозгласил его господином всех животных и прочих существ, обитающих в воде, на суше и в воздухе; но и общение с ангелами никак не удержало его от падения, и вместо ангела он получил дьявола, вместо утробного добра — лукавство и обман, вместо света — тьму. И некоторая первоначальная причастность Адама к высотам достоинства не послужила ему на пользу при последовавшей за невоздержанностью беде. Возжелав большего, он лишился и того, чем владел, злополучно потеряв тот божественный и радостнейший образ жизни. Так что то, что вы — сыны Авраама и, будучи возлюблены Богом, насладились многими милостями и дарами, не может служить основанием для оправдания в том, что вы неподобающим образом воспользовались божьей к вам любовью и недостойно — честью такового отца и стали божьими врагами и отцеубийцами. И в высшей степени справедливому кажется, что раз вы таковы, то и лишены наследия по благодати отца нашего Бога.

К с е н: Слова эти, царь, кажутся мне пустыми и бездоказательными.

И м п е р а т о р: Знай же, что ты не освободишься от меня сегодня, пока я не сделаю все ясным и очевиднейшим в твоих глазах. Надо ведь тебе понять, насколько важен наш разговор и сколь большие и существенные вопросы предстоит нам рассматривать, и не стремиться по явлениям природы узнать то, что над природой, и по слову то, что выше слова, ибо это было бы невежественно и совершенно неразумно; и не привносить в разговор ненужного самолюбия, чтобы не противоречить здравому и бесспорному и не спорить и не бороться с очевидностью.

К с е н: Я был бы наивен и без пользы для себя посрамлен, пустившись в пустой спор и возжелав одолеть истину.

И м п е р а т о р: Итак, коль скоро ты обещаешь слушать, как и подобает, без желания поспорить, то давай сначала рассмотрим вопрос, является ли Божьим, как ты утверждаешь, народ иудеев. И пусть прежде всех Исайя будет нашим третейским судьей и как бы руководителем в споре.

«Приближается ко мне, — говорит он, — народ этот устами своими, и губами чтит меня; сердце же их далеко отстоит от меня. Тщетно же поклоняются мне, уча учения, заповеди человеческие» (Исайя, 29, 13). Давид же говорит: «Услышь, народ мой, и возведу тебе, Израиль, и засвидетельствую тебе: я — Бог, Бог твой. Не за жертвы твои обличу тебя;

всесожжения твои всегда суть предо мною. Не приму от дома твоего тельцов, ни от стад твоих козлов; ибо мои суть все звери полевые, скот на горах и волы. Познал я всех птиц небесных, и красота полевая со мною. Если возжажду, не скажу тебе; ибо моя вселенная и все, что наполняет ее. Разве я ем мясо быков? Или пью кровь козлов? Принеси в жертву Богу хвалу и воздай Вышнему молитвы твои; и призови меня в день скорби твоей, и я избавлю тебя, и ты прославишь меня» (Псалом 49, 7—15).

Не яснейшим ли образом говорят Исая и Давид, что Бог радуется не кровавым жертвоприношениям и запахам сжигаемых жертв, а бескровным и хвалебным религиозным обрядам?

Еще говорит велеречивейший Исая: «Слушай, небо, и внимай, земля, ибо Господь говорит: Я родил и возвысил сыновей, они же меня отвергли. Знает бык хозяина и осел ясли господина своего, Израиль же меня не признал, и народ мой меня не понял. Увы, народ грешный, народ, преисполненный грехами, семя негодное, сыны беззаконные!» (Исая, 1, 2—4). «Как стал блудницей город, верный Сион, исполненный правосудия? Справедливость обитала в нем, а теперь убийцы» (там же, 1, 24).

И небо, и землю призвал Господь вместе слушать слова его и свидетельства о том, что, высокой рукой выведя ваш народ из Египта и чудесами большими, чем то может выразить слово, поразив озлоблявших вас, столь чудесным и превосходящим ум образом проведя вас через Красное море к спасению, а врагов ваших потопив, — после столь великих и многих благодеяний учредил он с целью вашего спасения Закон. Отцы же ваши не сохранили верность установлениям, но Моисея поносили, а Аарона призывали создать другого бога, крича: «Сделай нам богов, которые бы шли перед нами. Ибо с Моисеем этим, что вывел нас из Египта, мы не знаем, что стало» (Исход, 32, 1). Так смотри же, каким бесстыдством и упрямством, спесью и ропотом и многим подобным полны их речи и как, изрыгая яд своих душ, из безрассудной злобы разом забыв все совершенные ради них чудеса и словно в ответ на них, не только Моисея кусали они зубами, но и жесточайшим образом набросились на самого Бога. Ведь сказать «Моисей этот, что вывел нас из Египта», и при этом Моисея же презирать и роптать против Бога значит выказывать такой именно прав. Это со всей очевидностью показывает, что они скорее простодушно играли, нежели действовали сознательно: ибо, изготовив статую тельца, они поклонялись ей и тем самым изменяли Божьей вере, радуясь в изображении тельца, ядущего траву, творениям рук своих. Таким образом они побудили Моисея разбить богоданные скрижали и воспламенили гнев благодетельного и доброхотного Бога. «Ибо огонь, — говорит он, — возгорелся из ярости моей; будет сожжено все до ада преисподнего; пожрет землю и порождения ее, сожжет основания гор. Соберу на них беды и стрелы мои расточу на них» (Второзаконие, 32, 22—23); «Я сказал: рассею их и изглажу в людях память о них» (там же, 32, 26), «изошчрю, как молнию, меч мой» (там же, 32, 41), «упою стрелы мои кровью, и меч мой насытится мясом» (там же, 32, 42). Он говорит и множество другого, выказывающего крайнее его раздражение против вас.

Но ревнитель милости его и сострадания Моисей не до конца разгневался и не потерпел, чтобы жестокосердые эти увидели расточение божественного гнева, и примирил с ними Бога и длительными мольбами утишил его растущий гнев, взывая ради них к его природной доброте. Почему отнюдь и не дал Бог, несмотря на их беззакония, увидеть, как враги их радуются их погибели и, приписывая все своей силе и могуществу, решают, что он слаб. Но Бог призвал, словно неких свидетелей его заботы о них и сострадания к ним и их недоброжелательного отношения к нему, небо и землю, говоря: «Внимай, небо, я буду говорить; и слушай, земля, слова уст моих. Пролетится, как ливень, речь моя, и сойдут, как роса, слова мои, — как дождь на пырей-траву и словно снег на поле. Ибо имя Господне я призвал; воздайте величие Богу нашему» (там же, 32, 1—3) и т. д.

Итак, Бог снова дал им Закон, разбитый Моисеем со скрижалями, на которых он был вырезан, утишив свой справедливый гнев. Когда же, заняв обетованную землю, они вновь принялись за то же и, позорно ему изменив, прибегли к прежнему идолопоклонству, вовсе не помня чудес — не только происшедших в Египте и в пустыне, но даже и того, что произошло с фараоном и его войском, и стали еще хуже, чем были, поскольку сначала лишь раз, а потом многократно впадали в идолослужение и происходящее из этого бесчестие, Бог опять призывает прежних безупречных свидетелей, т. е. небо и землю, жалуясь на них и ужасаясь, что они имеют такую склонность ко злу, так вопия теперь через Исайю: «Слушай, небо, и внимай, земля, т. е. прежние мои свидетели: Я родил и возвысил сыновей, они же меня отвергли. Знает бык хозяина и осел ясли господина своего, Израиль же меня не признал» (Исайя, 1, 2—3) и — по порядку все, что подробно изложено у Исайи. Вот причина призвания Богом неба и земли: по причине негодования на это он призывает тварь в свидетели недоброжелательства облагодетельствованных. Порочность же их такова, что и глава всех пророков, пророка Захарии сын, знаменитый Иоанн, предшествующий Христу и проповедующий крещение покаяния, уподобил их порождениям ехидн, подлейшим и злейшим из всех диких животных, когда увидел, что многие из саддукеев и фарисеев сбежались на крещение, и сказал: «Порождения ехидн, кто научил вас бежать от грядущего гнева» (Матфей, 3, 7; Лука, 3, 7), настигающего тех, кто не уверовал в Мессию Христа? Усомнится ли кто-нибудь когда-нибудь в том, почему божественный пророк назвал их порождениями ехидн? Ни в коем, думаю, случае. Совершенно ведь ясно, значит, что — как людей бесчеловечных, неблагодарных, способных на любую жестокость и убийства с большей, чем кто бы то ни было изощренностью. Ибо точно, как этот зверь, о котором говорят, что он не так, как другие животные, выходит из материнской утробы, но разрывая носящий его живот, так же и неблагодарный народ иудеев впал в кощунственное бешенство сначала против Бога, а затем и против его Сына и Слова.

Еще тот же Исайя говорит: «К чему мне множество жертв? — говорит Господь. — Я пресыщен всесождениями баранов и туком овец; и крови быков и козлов не хочу. Не приходите лучше пред лице мое, ибо кто захочет этого из ваших рук! Не оскверняйте приношениями мой двор. Напрасно приносите лучшую муку; курение отвратительно мне. Новомесячия ваши, субботы и Великий день я не выношу. Посты и воздержания от работы, новомесячия ваши и праздники ненавидит душа моя. Я пресыщен ими. Уже не отпущу грехов ваших. Когда протянете ко мне руки свои, я отведу от вас очи мои, и когда приумножите моление, я не услышу вас, ибо руки ваши полны крови» (ср.: Исайя, 1, 11—15).

Еще он же говорит: «У возлюбленного моего был виноградник на вершине горы в плодородном месте. И построил я кругом него ограду, и обнес его частоколом, и насадил в нем отборный виноград; и соорудил башню посреди него, и выкопал в нем точило, и ожидал, что вырастут виноградные гроздья; а вырос терновник. И ныне, жители Иерусалима и человек Иуды, рассудите меня с виноградником моим. Что еще надлежит сделать для виноградника моего, чего я не сделал ему? Ведь я ожидал, что он принесет виноградные гроздья, а он принес терновник. Ныне я повею вам, что я сделаю с виноградником моим: я отниму у него ограду, и будет он расхищаем; разрушу стену его, и будет растаптываем. И оставлю певозделанным виноградник мой, и да не будет он ни обрезаем, ни вскапываем; и зарастет он, словно бесплодный, тернием; и облакам повелю не проливать на него дождь. Ведь виноградник Господа Саваофа — это дом Израеля, а человек Иуды — любимое новое насаждение. Ждал я, что он рассудит право, он же совершил беззаконие» (Исайя, 5, 1—7).

И божественный Амос говорит: «Отвратительно мне праздники ваши, и я не обоняю запаха жертв во время торжественных собраний ваших.

потому что, когда вы приносите мне всесожжения и жертвы ваши, я не приемлю их, и на спасительные почести ваши я не призрю» (Амос, 5, 21—22).

Согласно с этим свидетельствует и Малахия: «Нет воли моей в вас, говорит Господь, и жертвы ваши не приемлю из рук ваших; по этой причине от востока солнца до запада имени моему предстоит прославиться между народами; и на всяком месте приносится жертва имени моему, и жертва чистая, потому что чтится имя мое в народах. Вы же оскверняете его» (Малахия, 1, 11—12).

Яснее же всего показывает, что вы оставлены Богом, сказанное пророком Исайей: «Вот, приходят дни, — говорит Господь, — и заключу с домом Израиля и с домом Иуды Новый Завет — не такой, какой дал я отцам их в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской; потому что они не пребыли в Завете моем, и я пренебрег ими, — говорит Господь. — Ибо тот Завет, который я заключу с домом Израиля после этих дней, — говорит Господь, — будет дающим законы мой мышлению их, и в сердцах их я начертаю их. И я буду для них Богом, а они будут для меня народом. И да не будет каждый учить ближнего своего и каждый брата своего, говоря “Познай Господа”, потому что все они узнают меня, от малого до великого; потому что я буду милостив к несправедливостям их, и беззаконий их да не вспомню больше» (Иеремия, 31, 31—34).

Понимаешь ли, о чем идет речь, или же разум твой хром на восприятие? А ведь это совершенно очевидно и вполне ясно тем, кто предпочитает разобрататься в вопросе непредвзято и точно. Смотри-ка, как все согласуется друг с другом и как все приведенные пророки, словно сговорившись, возглашают одно и то же об одном и том же. Ибо после того как Бог ни во что поставил и отверг ваши жертвы, посты, праздники и субботы и всем отчетливо показал, что вы им оставлены, — это ведь означает неподрезанный и невскопанный виноградник со снятой изгородью и разрушенными стенами, оставленный на разграбление и потоптание прохожим, ибо виноградник взят пророком как образ иудейского народа, — он добавил, показывая недействительность Закона, что намерен дать Новый завет, не такой, какой был дан вашим отцам, когда он выводил их из земли Египетской, но другой, благодатный, в который уверовали народы. Причина же, по которой он пожелал сменить его и при этом дать обетованные отнюдь не отцам вашим, а уверовавшим в него людям из других народов, — она ясна из его слов: «От востока солнца до запада похвально имя мое в народах, и на всяком месте жертва приносится имени моему, и жертва чистая, потому что почитается имя мое в народах, — говорит Господь. — Вы же оскверняете его» (Малахия, 1, 11—12). Видишь, опять же, что этими пророками была блестяще предсказана благодать божья в народах, т. е. благодать Нового завета, Евангелие? Так, изобразив печальную картину ожидающих ваш народ всевозможных бедствий, Исайя говорит: «Из Сиона явится Закон, и Слово Господне из Иерусалима» (Исайя, 2, 3). Какой другой закон мог здесь иметься в виду, помимо Евангелия и апостольского благовестия? Невозможно допустить, что это было сказано о вашем Законе, ибо он был дан Богом Моисею на Синае и в пустыне. Здесь же говорится не «дан», а «явится» из Сиона, т. е. именно то, что мы называем Евангелием и благовестием, ибо, как сами вы так или иначе говорите, это началось именно там.

Смотри также, как родственны друг другу оказываются Евангелие и Закон и как с каждым из них связывается и как объединяет их пророческое слово. И никто ведь ни в наше время, ни в прошлом ничуть не колеблется в сомнениях, таким ли образом обстоит дело. Если заглянуть в глубину того и другого, то не найдешь там никакого разногласия и противоречия их друг другу, но совершенно напротив: увидишь полную гармонию и согласие — с той разницей, что Закон можно назвать незавер-

шенным Евангелием, а Евангелие — законченным и законченным Законом.

Ведь если ребенок, который по врожденным способностям, в потенции, был, скажем, полководцем или геометром, выросши, миновав юность и достигнув зрелости, стал полководцем или геометром в большей мере, в действительности, то потенциальность на этом окончилась. А кто, игнорируя настоящее положение вещей, когда потенция уже перешла в действительность, станет взрослого человека рассматривать как не достигшего совершеннолетия ребенка, не обращая внимания на то, что потенциальность, блестяще раскрывшись, окончилась и ярко блистает действительность, — каким тот тебе покажется? Не в высшей ли степени ущербным человеком?

То же самое разумеи и относительно Евангелия и Христа. Ибо Закон был как бы тенью и неясным следом того, что позже явили Христос и Евангелие. Евангелие же, будучи вдохновлено самой истиной, наипревосходнейшим образом восполнило то, чего недоставало Закону, и всем представило в сияющем и блистающем виде бывшее там слабой тенью. И как сказано чуть выше, они совершенно совпадут для всякого пожелавшего подойти с любовью к более таинственному в том и другом, т. е. в Евангелии и Законе, ибо он не найдет в них ничего противоречащего друг другу, но увидит, что все содержание Евангелия скрыто в Законе, а в свою очередь Закон со всеми речениями пророков исполнен в Евангелии. Поскольку же ни одно из этих немногих соображений не смогло тебя полностью убедить, рассмотри следующее.

В портике Соломона был бассейн, называвшийся у иудеев Вифездá. Сюда по причине совершавшихся здесь чудес стекались толпы больных: ибо ангел Господен, сходя ежегодно, волновал воду, и с первого, прыгнувшего в нее после этого, болезнь сходила, словно сбрасываемая змеей старая кожа, и человек получал более крепкое здоровье. Кажется неслучайным происходившее с тем человеком и, более того, предзнаменующим. А если так, что же, скажи, иное предзнаменующим как не возрождение через божественное крещение и проистекающие отсюда душевное здоровье и крепость? Так смотри же, как значительное и совершенное предвещалось в малых и неясных образах. Ведь сходящий и возмущающий воду ангел обнаруживал Ангела Великой Воли, как его называет Исайя, — Сына Божия, а вода Соломонова портика, коротко говоря, — воды всей Земли, которыми после их освящения сошествием божественного Духа мы смываем пятна с душ, — самую страшную и тяжелую болезнь. И там ведь только один оказывался насладившимся исцелением, и то лишь в отношении тела, теперь же вся вселенная оздоравливается как в отношении душ, так и тел, что несравнимо более велико и божественно. Также и ягненок, приносимый, по завету Моисея, в жертву во время пасхи и поджариваемый на дровах, — и он, всякий это скажет, оказывается прообразом — прообразом принесенного в жертву за всех Бога Христа. В дальнейшем я это лучше объясню. Опять же и то, что Моисей-боговидец позволяет вам, чтобы жена умершего бездетным выходила замуж за его брата и восстанавливала умершему семья, — и это не просто так было заповедано. Есть ли какая-нибудь польза от этого брака умершему? Если не раскрыть сокровенного в Законе и не заглянуть поглубже, то я не вижу. Но мысль законодавца и пророка как раз такова: ведь первый брат, под которым он имеет в виду Закон, оказался неспособен исполнить свое дело по отношению к женщине — произвести детей, т. е. спасти проклятого человека. Потому и дары, приносимые бездетными, являющимися собой образ образа, т. е. Закона, не были принимаемы. Но второй брат, т. е. Евангелие, совершенно покончив с наложенной клятвой, благородно восстановил брату семья — спасение живущих под солнцем.

Из всего же этого ясно следует, что Закон, возникая, был в пределах Евангелия, и оно в свою очередь представляет собой законченный Закон.

Но́ль скоро это обстоит таким образом, пусть не кажется тебе неприятным и резким, когда что-то из Нового Завета встречается в нашей беседе, хотя предполагается, что между тобой и Евангелием нет ничего общего. Если Бог блюдет в тебе божественное начало, пусть он позаботится открыть твои смеженные душевные очи, чтобы их достиг свет божественного Евангелия! Голубиные крылья, по божественному Давиду, вырастут у тебя, и ты, взлетев, отдохнешь на небесах. Если же — да не будет этого! — ни во что ты вменишь представляемое теперь тебе на рассмотрение, но предпочтешь блуждать ошибочным путем твоих отцов, большего я не скажу. Об этом позаботится Бог.

Прежде, однако, надо рассмотреть, почему Бог, являясь общим Богом ангелов, людей и всякой твари, говорит, что он будет Богом преимущественно тех, кто просветится благодатью, т. е. Евангелием и крещением. Как когда он сказал «Я есмь Бог Авраама, Исаака и Иакова» (Исход, 3, 6), ответив на чистую веру в него отцов своей к ним любовью и расположением, будучи, как мы сказали, не только их Богом, но всей сотворенной природы, так же надо понимать и в этом случае. Ведь тогда он сказал, что будет для них Богом, а они для него народом, обнаруживая крепкую и негибаемую веру народов и жар своей любви к ним. И разве же его обещание быть милостивым к их несправедливостям и беззаконий их и грехов не попомнить больше не намекает на божественную благодать крещения? О Законе ведь он говорит, что исполнивший все, написанное в книге Закона, будет жив. Уверовавший же в Слово Божие, Христа, и воспринявший купель божественного крещения, будучи омыт от всех своих прегрешений, отпускается совершенно чистым. Видя это, Исайя говорит: «Мойтесь и очищайтесь, освобождайтесь от вашей испорченности» (Исайя, 1, 16), проповедуя, что Богу будет приятно некое духовное и божественное омовение людей, счищающее все грехи и вымывающее из душ всю грязь. И даже если бы со звездами или песком морским по числу сравнялись у кого-нибудь грехи, путем такого необыкновенного омовения он смог бы от них избавиться, словно бросив пучок пакли в огромное море огня. Пусть свидетельствует тебе пример чуда, совершавшегося прежде в Силоамской купели и являющегося прообразом и проявлением дарованного нам обновления и оставления грехов посредством воды: как там первый, кто входил в купель после возмущения воды божественным ангелом избавлялся от всякой болезни, так и при божественном крещении принимающий его совлекает и отбрасывает всякую душевную скверну, словно некую обветшалую одежду, и весь становится чистейшим и святым. Знай же, что божественное омовение дарует оставление старых прегрешений, и это и означает: «Милостив буду к несправедливостям их и беззаконий их не попомню больше». А за все грехи, совершенные после этого, мы должны дать ответ в неложный день ожидаемого Суда, когда Сын Божий придет со своими святыми ангелами судить мертвых и живых и по-справедливости воздать добрым сострадание, неограниченную силу и царство, а тем, кто прожил нечестиво, — неизреченные скорби и неугасимый огонь.

К с е н: Немного подожди, царь. Неужели, как ты сказал, вы говорите, что сына плотника Иосифа надо считать наряду со всем прочим судьей мертвых и живых? Впрочем, я понапрасну это спросил. Ничего ведь странного, что вы и это про него сочинили. Ибо если вы безрассудно утверждаете, что обжора и пьяница, пировавший в течение всей жизни со сборщиками налогов, происходивший из по всему бедного и заброшенного местечка Назарета, из которого никогда не вышло ничего хорошего, человек, измысливший про себя, что он сын Божий, и за это осужденный на крест и умерший, восстал живым из мертвых, вряд ли вы удержались бы и от другой небылицы и без опасений с легкостью не постановили бы путем голосования считать его судьей живых и мертвых.

И м п е р а т о р: Ты, похоже, полагаешь, что, забыв обещание, я повернул слово к другому, и испугался, как бы я таким образом не увел

тебя, отклонившись, от темы разговора. Но будь спокоен. Я еще помню, что обещал, и буду помнить; и все полностью расскажу тебе о моем Боге Христе. Того ведь ради я и об этом говорю тебе подробно — чтобы проще, легче и приятней было постичь то. Скажу тебе только сейчас, что совершенно верно сказанное тобой только что — что он был другом мытарей и грешников, ибо бывших прежде врагами он обратил в друзей и «пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Матфей, 9, 13; Марк, 2, 17; Лука, 5, 32). И как светом учения призвал он к покаянию всех грешников, так же и прежде ничтожные и презренные места возвеличил он и показал достойными величайшей чести. Вот, например, что говорит Исая: «Галилея языческая, народ, ходящий во тьме, зри свет великий. Живущие в стране и тени смерти, свет воссияет на вас» (Исая, 9, 1—2). И Михей говорит: «И ты, Вифлеем, дом Еффафа, разве наименьший ты, чтобы быть в тысячах? Из тебя ведь произойдет мне тот, кто должен быть князем в Израиле» (Михей, 5, 2) и прочее, что далее мы постараемся более ясно рассмотреть по порядку. Так что ничего странного в том, что как Галилею и Вифлеем, так и Назарет явил он великим, избрав его для своего жительства, и эти места, прежде обездоленные, исполнил многих и великих благ.

Что же касается того, что он воистину есть судия живых и мертвых, то хотя дальше об этом будет сказано пространнее, ничто не мешает немного сказать об этом уже сейчас. Хотя и многие об этом говорят, теперь давай послушаем божественного Давида, — в девяносто пятом псалме он говорит: «Скажите народам, что Господь воцарился; ибо исправил вселенную, она не подвигнется; будет судить людей по правде. Да возвеселятся небеса и да радуется земля, да подвигнется море и наполнение его; возрадуются поля и все, что на них; тогда возрадуются все деревья дубравные от лица Господа, потому что грядет, потому что придет судить землю; будет судить вселенную по справедливости, и людей по истине своей» (Псалом 95, 10—13). А еще в псалме девяносто седьмом он говорит: «Воскликните перед царем-Господом. Да подвигнется море и наполнение его, вселенная и все живущие в ней. Реки восплекут руками разом, горы возрадуются от лица Господня, потому что грядет, потому что грядет судить землю; будет судить вселенную по справедливости, а людей — по правде» (Псалом 97, 6—9).

Ну как? О человеке ли говорит это пророк, об ангеле, или о Боге? Совершенно ясно, что не о человеке и не об ангеле. Ибо разве возможно человеку быть судьей самому себе? Нет, конечно. Но ведь и из ангелов никто не называется господом и судьей, но и они все — божьи рабы и творения, хотя и превосходят всех тварей честью. Остается считать, что сказанное подобает только Богу. А кто скажет, что это приличествует Богу-Отцу? Да он и не сходил на землю. Так что выходит, что пророк говорит это о Сыне и Слове Божиим, сошедшем на землю, о чем говорят все пророки, в том числе и Иеремия. Обрати внимание на точность пророческих слов. Сначала он говорит просто, что грядет; затем добавляет, что грядет судить землю, будет судить вселенную по справедливости. Ведь первое показывает, что он придет в кротком виде, не судить вселенную, но научить, просветить и направить к истинному богочитанию множество евреев, убедить не поступать противозаконно, не поклоняться идолам и блюсти Новый Завет, который он должен будет дать, т. е. Евангелие, о котором говорит пророк: «Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды Новый Завет» (Иеремия, 31, 31) и так далее, — завет, который и апостолы проповедали сначала им, а потом другим народам. Во второй же раз он придет как Бог и Страшный Судия; тогда и небо, т. е. все ангелы, и земля, т. е. земные люди, будут потрясены видом лица его.

Видишь, Ксен, каким образом Христос мой и Бог оказывается судьей мертвых и живых? Это же я, как сказал, дальше постараюсь сделать бо-

лее для тебя ясным, приведя много важных и ясных доводов. Теперь же надо вернуться к тому, от чего мы отошли.

Книга Моисея (Бытие, 38) повествует, что патриарх Иуда совокупился со своей невесткой Фамарью и она понесла двойню. Когда же пришел час родов, то Зара пошел из материнского чрева не прямо, но боком, так что рука вышла прежде остального тела. Повивалка же, движимая неким божественным порывом, повязала ее цветной ниткой. Тот же неожиданно, подтянув руку, уступил выход Фаресу, а сам вышел после. Повивалка же, увидев, как совершилось это чудо, по некоторому божественному замыслу пронзительно и громко воскликнула тогда: «Что расторгло для тебя преграду?» Все необычно, что сопутствовало этому рождению, всякий согласится. В частности, как мы должны понимать слова повитухи «расторгло для тебя преграду»? Не ясно ли, что сказанное означает, что Закон, который и Исаяя в примере с виноградником назвал оградой, должен будет уступить место Евангелию, а виноградник, т. е. ваш народ, будет оставлен на расхищение? Рассудительно подходя к этим словам, ты найдешь, что повивалка сказала это не сама по себе, но, как мы уже говорили, подвигнутая Богом, и сказала то самое, что сказал пророк Исаяя: «Уничтожу ограду виноградника, и он будет расхищаем». Ибо как Зара, показавшись немного, подтянул руку и спрятался в материнской утробе, идущий же за ним Фарес, который, казалось, останется позади, оказался первым, так и данный евреям от Бога Закон: он ненадолго показался и явился, но когда пришла полная и совершенная благодать Евангелия, все в мире просветившая ярче десятков тысяч солнц, тогда Закон скрылся из виду.

К с е н: Если по твоим, царь, словам Евангелие есть благодать и истина, то Закон остается назвать заблуждением и совершенной ложью. Смотри, какая полная получается нелепость: либо мы должны сказать, что Закон вообще не Богом был дан, либо — что он был дан Богом, но лжив, причем и в том и в другом случае ниспровергается все святое и чтимое, все пророки и восплаемое Синайское богоявление.

И м п е р а т о р: Я не говорю, Ксен, ничего подобного. Что Закон был дан народу Богом, — и я, да и всякий скажет. Но он является своего рода наброском и предначертанием образа; а когда на картину наложены краски, предварительный набросок делается невидим, но полностью не стирается, — ведь картина по отношению к нему являет собой более важную действительность, — так же надо понимать и соотношение Закона и Евангелия. Евангелие есть истина, но из этого никоим образом не следует, что Закон — ложь, и люди верят, что он дан Богом, что он справедлив и свят. И так же как незаконченность и несовершенство наброска служат ясности образа, ограниченность Закона — полноте Евангелия, ведь, хорошо взглядевшись, в нем можно различить Закон. За исключением немногочисленного, что объясняется соображениями и нуждами того времени и отсутствие чего не причиняет никакого вреда, всему, что есть в Законе, вполне ясно наставляет и научает Евангелие. Например, не прелюбодействовать, не воровать, не лжесвидетельствовать, любить Бога всею душою, силою и помышлением Евангелие научает лучше и с гораздо большим эффектом. Закон говорит: «Не прелюбодействуй» (Исход, 20, 14); Евангелие же: «Не возжелай». Видишь разницу: возжелавший жену другого подвергся искушению, но, будучи, допустим, воздержанным, воздержанностью победил влечение, а может ведь статься, что и не устоял и был побежден. С самого же начала не возжелавший как может стать прелюбодеем? Закон говорит: «Не кради» (там же, 20, 15); Евангелие же заповедует не только это, но и быть готовым давать нуждающимся и всем просящим. Закон учит воздавать «зуб за зуб» (там же, 21, 24); Евангелие же настолько далеко от мести, что рекомендует ударенному подставлять себя еще желающим полностью насытиться гневом, говоря: «Если тебя кто-нибудь ударит в правую щеку, обрати к нему и другую» (Матфей, 5, 39), «И если кто-нибудь заставит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним

два) (там же, 5, 41). Закон говорит: «Исполни перед Господом клятвы твои» (там же, 5, 33), т. е. не преступай клятвы; Евангелие же повелевает вообще не клясться, ибо многократно поклявшийся правильно когда-нибудь да ошибется, а вовсе этого не делавший как может нарушить клятву? Закон позволяет мужчине брать в жены столько женщин, сколько он может прокормить, количество же наложниц он никак не ограничил, но оставил нашему произволению; Евангелие же предписывает единобрачие, вступать во второй брак позволяет только после смерти первой жены, а иметь наложниц запрещает полностью и на этом не останавливается, но, не отрицая брака ввиду природной необходимости, ибо хорошо знает о ней творец естества, все же выше почитает девственность и с большей честью венчает сохранивших ее. И говорит это, не принуждая, но советуя лучшее и более высокое, «Ибо иго мое, — сказал Господь, — благо, и бремя мое легко» (там же, 11, 30).

К с е н: Еще и то следует из твоих, царь, слов допустить, что сын плотника Иосифа — создатель человеческой природы?

И м п е р а т о р: Тебе, Ксен, одно нужно рассмотреть: является ли он Богом. А если это станет тебе ясным, то будет очевидным и то, что как Бог он — творец и человеческой природы, и всякой твари. Если же он не Бог, то, конечно, и не творец. Но разговор об этом, согласно уговору, давай отложим. Вернемся к прежнему.

Закон говорит, что желающий пусть даст разводное письмо своей жене и отпустит ее (Второзаконие, 24, 1); Евангелие же говорит: «Кого Бог сочетал, человек да не разлучает» (Матфей, 19, 6; Марк, 10, 9), ибо «Оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей» (Марк, 10, 7—8). И еще: «Не разводитесь, — говорит, — иначе как по причине прелюбодеяния» (ср.: Матфей, 19, 9). Все это ни в чем не противоречит Закону, скорее же подкрепляет его и содействует ему.

К с е н: Если так, как ты, царь, говоришь, в Евангелии написано, а не иначе, то и я, и всякий согласится, что это не является упразднением Закона. А то, о чем ты сказал, что есть в Законе нечто малое, нарушение чего не приносит никакого вреда, — что это такое? Я такого не знаю. Потому ничего об этом не скажу. Но я бы удивился, если бы что-нибудь из Закона, хотя бы и весьма незначительное, будучи преступаемо, оказалось не сопряженным с ответственностью, ибо если бы хоть чем-то можно было легко пренебречь и не понести наказание за преступление, таковое не было бы, думаю, с самого начала передано Богом.

И м п е р а т о р: Наше рассуждение все это прояснит по мере продвижения вперед.

К с е н: Да будет так. Однако то, что я сказал, — немалое затруднение, которое препятствует мне рассуждать. Кому достанет софистической силы, чтобы доказать, что в разорении Закона — истина?

И м п е р а т о р: Немного подожди, и все это для тебя разъяснится. Предположим, Бог нисколько не прогневался на ваш народ. Разве в таком случае содержание Закона осталось бы вовсе неизменным? Не всегда же детям дают материнское молоко, но, когда они подрастают, кормят их более твердой приличествующей возрасту пищей. Да и не вечно дети у нянек учатся, но, достигнув отроческого возраста, нуждаются в более содержательных науках. Неужели же вы должны вечно оставаться недоучками?

Ведь тогда, когда вы едва только освободились от египетской пищи, египетских мук и идолопоклонства, вам было бы не вынести строгости Евангелия. Потому и был вам дан такой Закон, хороший и святой, однако же сам по себе несовершенный и бессильный. А то, что несовершенно по себе, едва ли способно усовершенствовать другое. Но разве же ты не слышал, что, даже если бы вы не согрешили и не побудили Бога к наказанию, Закону предстояло быть упраздненным? Ты, может, скажешь, что раз Закон был несовершенным и должен был быть отменен, излишне

было и соблюдать его, ибо не было ничего страшного в нарушении того, что Бог имел намерение расторгнуть. Не говори так, ибо такой защите несвойственна справедливость.

Предположим, что кто-то, под давлением необходимости, из травы, соломы и случайных деревяшек легкомысленно и небрежно построил шалаш, с тем чтобы потом, по прошествии нужды, выстроить вместо него жилище из камня, железа и извести. Допустим, он ввел в него жилища. А тот, не зная намерения построившего и рассердившись на неблаголепие халупы, при первом удобном случае уничтожил ее без всякого ведома построившего ее хозяина. Как тебе кажется: избежит ли наказания разрушитель хижины? Вряд ли, скажешь и сам. Нечто подобное надо представить себе и применительно к Закону и народу иудеев. Ведь предстояло, как я говорил, Закону, данному одному только вашему роду, быть упраздненным, а Евангелию в подобающее время распространиться на всю вселенную и на все народы. Из-за ваших же неразумия, жестокости и злонаравия, а больше из-за чудовищной нечестивости, снял ограду, т. е. Закон, хозяин виноградника, т. е. вашего народа, и вы оказались в потопании и расхищении.

И из много другого пусть станет тебе совершенно ясна смена Богом Закона. Ведь пророк Давид говорит: «Клялся Господь, и не раскается: ты священник вовек по чину Мельхиседека» (Псалом 109, 4). Сначала, подумав, реши, почему он сказал «по чину Мельхиседека», а не «по чину Аарона», хотя священники ставились из левитского колена, из которого и ты сам. Когда культ был отправляем левитским священством и это было узаконено перед народом, какая была еще нужда говорить «по чину Аарона»? С переменой же священства, совершенно вне сомнений, сопряжена смена Закона. Поскольку же сказано так, ясно, что имеется в виду другое колено, из которого никто не прикасался к жертвеннику, а хорошо известно, что Господь вышел из потомства Иуды, о колене которого в связи со священством Моисей не сказал ничего. И еще более ясно, что если встает другой священник, подобный Мельхиседеку, то — не по Закону плотской заповеди, но по силе жизни неодолимой, ибо свидетельствует: «Ты священник вовек по чину Мельхиседека». Тщательно вдумайся, Ксен. в эти слова: «Ты священник вовек по чину Мельхиседека» и пойми, что Давид сказал их о Христе и что при передаче священства из левитского колена в колено Иуды, т. е. Христу, ибо он происходил из этого колена, необходимо меняется и Закон. Так что перемена Закона была неизбежна, во-первых, по сказанной нами причине, во-вторых же, потому, что всегда, когда одни перестают быть священниками, священство наследуют другие, чтобы это великое дело не прервалось. Христос же, единжды умерев и восстав из мертвых, пребывает в силу этого человеком, больше не умирая, и облеченный неуничтожимостью и бессмертием пребывает священником вовек в согласии со словами божественного Давида: «Клялся Господь и не раскается: ты священник вовек по чину Мельхиседека». Видишь, как? Давид предрек, что священство будет передано, а за его передачей по необходимости следует и смена Закона. Хватит об этом. Переведем речь на другое и яснейшим образом покажем, как Бог вознамерился за неблагогодарность, жестокость и неверие в него оставить ваш народ и привлечь к себе другие народы.

Одному из судей — это был Гедеон — Бог повелел напасть на иноплеменников. Тот же, не видя и не разумея всемогущества и бесподобности силы Божией, но считаясь с собой и с нерадением и страхом народа, ибо их было ничтожно мало по сравнению с множеством иноплеменников, был недоволен повелением и просил у Бога знамения, чтобы увериться в том, что он действительно победит иноплеменников, как ему было повелено. Знамение же, о котором он просил, было таково: чтобы на положенную на гумне овечью шерсть выпал дождь, а кругом осталось бы сухо и не влажно, как и прежде. Что и произошло: земле вокруг шерсти ни-

сколько не досталось влаги, шерсти же досталось ее столько, что, когда ее отжали, наполнилась водой лохань. Он же, не удовольствовавшись столь ясным знамением и не успокоившись, вновь попросил, чтобы были роса и сухость, но чтобы роса была на гумне, сухою же осталась бы шерсть. По просьбе Гедеона произошло и это. И он, будучи этим утверждён, выполнил повеленное Богом и, схватившись с иноплемениками, обратил их в бегство и победил (Книга судей, 6—7). Поскольку же все древние образы были как бы прообразами будущего, то и рассказанное с неменьшим правом можно счесть знамением, особенно же при сопоставлении со случившимся позже, ибо можно сказать, что гумно было прообразом всей земли, а шерсть — иудейского народа, роса же, выпавшая сначала только на шерсть, — ниспосылаемых свыше иудейскому множеству милости и заботы, которых прежде вся земля была лишена. И напротив, сухость шерсти при обилии влаги на гумне — предвестие того, что вы лишитесь Божьих милости, помощи, близости и покоя, а вся земля и каждый народ будут ими преисполнены.

Совершенно ведь то же самое провозвестило пророческое изречение, высказанное как бы от лица Бога: «Сокрушу ограду виноградника моего», т. е. Закон, «и будет он расхищаем, и заповедаю облакам не проливать на него дождя» (ср.: Исайя, 5, 5—6), на народы же сойдут роса и всякое благо. И еще сказано пророком Исайей: «Возвеселись, бесплодная, нерождающая; восклицай и пой, не знавшая родовых мук», т. е. бесплодная церковь народов, «потому что много детей у одинокой, прежде бездетной и бесплодной, больше, нежели у имеющей мужа» (Исайя, 54, 1), т. е. у еврейской церкви, имеющей Закон и пророков или, точнее, самого Бога. Это ведь разумеется под мужем и детьми. То же самое предзнаменовало и то, что бесплодная родила семерых: имеется в виду, что множество сыновей получила от божественного Духа церковь народов, а «многая в чадах», т. е. иудейская синагога, обессилела. Вместо одиночества настала божественная благодать.

Неужели же из того, что мы сказали, не становится совершенно ясно, что народ издревле был оставлен Богом по указанным нами причинам, Закон осужден на бездействие, а блага, данные народам посредством евангельской благодати, еще в древности были проповеданы всеми пророками? Однако же если бы я захотел собрать все по порядку ясно это представляющее, наш разговор затянулся бы слишком надолго. Что же ты думаешь о сказанном?

К с е н: Очевидно, царь, что все это из божественного Писания, с этим я спорить не стану. Но кто мне докажет, что все эти пророческие слова относятся не к непотребствам большинства, а, как ты говоришь, к нечестию и неверию?

И м п е р а т о р: Я думаю, что и умеренно процитированное ясно показывает нам причину разрушения вашего города и порабощения большинства населения, а из этого естественным образом следует перемена Закона. Поскольку же ты еще сомневаешься и не полностью убежден, я постараюсь далее сделать это более для тебя ясным. А теперь, полагаю, надо обдумать то, что ты заявил несколько раньше, — что мы, дескать, поклоняемся дереву и идолам, назвав так святые чтимые иконы.

И всяким другим грехом греша против Бога, человек вызывает гнев Божий против себя. Но ничто не делает этого в такой степени, как идолопоклонство; ибо оно полностью отсекает человека от Бога, потому что поклонение идолам — совершенно то же, что почитание демонов. Именно об этом сказал пророк Давид: «Сказал безумец в сердце своем: Нет Бога» (Псалом 13, 1). Поскольку примерно так и ты думаешь о нас, я считаю нужным теперь же разъяснить тебе все, что этого касается.

Немощное и ни на чем не утвержденное человеческое мышление, легко увлекаемое случайностями, очень скоро забывает божественные благодеяния, по каковой причине премудрый Соломон говорит: «Все помышления

смертных жалки и ненадежны мысли их» (?). И чтобы понемногу не исчезла и не отлетела память о чудных делах Христа, моего Бога, которые он совершил, облекшись поистине в нашу плоть и пострадав, как человек, отцы пришли к такой божественной и весьма плодотворной мысли: писать на стенах и на специальных досках образы, чтобы, глядя на них, мы вспоминали то великое благодеяние. Ради этого, стало быть, мы и пишем, и чтим, и любим иконы Христа, его божественной приснодевственной матери и других святых людей.

Поклоняемся же мы им не как божествам, а относительно, выказывая избыток жара любви к изображенным. Как божеству мы поклоняемся только Христу, — где написан его образ. А родившей его приснодеве Марии и ее иконе, а также иконам иных святых и им самим, мы поклоняемся не как божествам, как я сказал, но, выказывая почитание, мы пересылаем честь их прообразам — по той причине, что одни из них, претерпев за Христа различные тяготы, добродетелями изнурили свою плоть, а другие были подвергнуты многим видам смертных казней.

Ясный же пример того, что честь, воздаваемая образу, переходит к первообразу, — императорское повеление. Ты ведь знаешь, что когда что-либо такого рода кто-нибудь прочтет вслух, все присутствующие тут же, если кто сидит, встают и начинают издавать громкие крики, на все голоса попеременно увенчивая императора похвалами и благодарностями; многие же прикладывают грамоту к своим головам. Это, я полагаю, и тебе хорошо известно?

К с е н: Конечно.

И м п е р а т о р: Что же, кажется тебе, что они воздают честь хартии и чернилам, или красным буквам? Ни в коем случае. Поскольку каждое из этого само по себе ничто, они полагают, что переводят честь на царя и перед ним склоняют свои шеи, обременяемые грамотой, о которой мы сказали.

К с е н: Мне так кажется.

И м п е р а т о р: Прекрасно. Еще понятней, что мы поклоняемся иконам не как божествам, тебе будет из следующего. О денежных знаках ведь и сам ты, уж конечно, знаешь, — что на одних из них отчеканены образы Христа, на других — его матери или кого-нибудь из святых. Но нас мало, а вернее сказать, никак не занимает их почитание. Ибо не для почитания прообразов было придумано делать их отпечатки на серебре или на золоте. Мы их наносим как своего рода знак достоинства монеты, а кроме того, чтобы показать, что монета принадлежит христианам. Потому, и на землю их при случае бросая, предавая огню и переплавке, истирая, разламывая, а при сделках и торговых операциях передавая в руки нечестивых, мы не смущаемся. Да и у тебя самого в кошельке или дома, если поискать, может найтись немало таких христианских монет, данных тебе исключительно христианами, а не кем-то другим. Однако тех, кто их дает, это нисколько не заботит. Ибо мы настолько далеки от того, чтобы служить образом как божествам, что если образ, написанный, допустим, на доске или на стене, оказывается почему-либо стертым, то ничего другого в стене, кроме прежней стены, и в доске, кроме дерева, мы не видим и при случае предаем их и огню. Как видишь, поклонение иконам не есть идолослужение, как ты думаешь. И разумные люди придают значение не поклонению, но помышлению поклоняющихся. Если хочешь, я на примере ваших обычаев сделаю это более для тебя ясным.

Бог, видя неразумие и неблагодарность ваших предков, потому что они чрезвычайно быстро забыли его благодеяния и различные милости и скоро изгнали из души память обо всем, чем они были облагодетельствованы в Египте, в пустыне и повсюду, повелел через Моисея подвешивать к рукам священников некие книжечки с записанными в них чудесами. Так что же, неужели хартии и чернилам воздавая почитание, прикрепляли к рукам написанное? Ни в коем случае. Но, глядя на них, думали о благодеяниях, потому что вид их пробуждал в них воспоминания и незаметно

побуждал к благодарению. И что, не боговидец ли Моисей, сделав образы херувимов, установил их на крышке ковчега Завета? Но он и не думал служить идолам. Что уж и говорить о ковчеге и находящемся в нем — я имею в виду скрижали Завета, сосуд с манной, божественный жезл Аарона и золотую кадьльницу. Не из дерева ли он был сделан, а то не из золота ли — такой преходящей материи? Однако ничего такого не приходило в голову тем, кто поклонялся им; и столь велик был их благоговейный страх по отношению к святыне, что никому из них всех не было позволено ни приближаться, ни прикасаться к ней, кроме какого-нибудь священника из колена левитов. Ты ведь знаешь, я думаю, о том Озе — какую он понес кару за дерзость, хотя он из благочестивых, как ему казалось, побуждений прикоснулся к ковчегу: ведь он хотел его поддержать, чтобы тот, наклоненный быком, не упал (1 Паралипоменон, 13, 9—10). Ничто ведь не препятствует материальному и быть и считаться божественным. Ведь чем-то вполне божественным и очень высоко чтимым было и то, что в нем лежало, и сам ковчег. Невозможно, думаю, без трепета вспоминать множество совершавшихся ради него чудес. Сколь великим, например, было чудо с Иорданом, когда вода с одной стороны утекла до самого дна и влилась в море, а с другой, стуславшись, как лед, стала, когда священники, носившие ковчег, стояли посреди речного дна, давая прочим возможность беспрепятственно посуху переправляться, а иноплеменники, видя это, чуть не умирали от страха, а затем Иордан вновь получил беспрепятственный путь, когда после всех перешли и священники (Иисус Навин, 3, 14—17). А каково то, когда после семидневного обхождения вокруг Иерихона священников с ковчегом пали его стены и все его жители вместе с правителями были поработены (там же, 6, 12—23). Какая-такая сила это делала: неужели же дерева и металла? Нет. Но ведь одно там было видимым, а другое умопостигаемым, и это совершала умопостигаемая сила.

Своевременно будет разъяснить тебе, что я понимаю под умопостигаемой силой. Ковчег ведь был образом и подобием родившей Сына и Слово Божие чистейшей приснодевы Марии, а его содержимое, хоть и было подобием вселившегося в деву Христа, но и оно все было образом той же нескверной и пренепорочной Марии. То, что ковчег был, согласно Закону, изготовлен из дерева, указывало на ее тленность и на то, что она дочь Адама, кадьльница же из золота — на ее все превосходящую чистоту и на то, что она поимет в себя истребляющий всяческий порок огонь божественности, т. е. Сына Божия, настоящий умственный фимиам, для ангелов всех и людей благоухающий. Скрижали же и начертанные Богом слова яснейшим образом предзнаменовали: скрижали — ее как смертную по природе, слова же — бессемянно вселившееся в нее Божие Слово. И жезл тоже был прообразом приснодевы Марии: как он, будучи сухим и лишенным влаги, внезапно процвел и оказался плодоносным, тогда как другие жезлы остались сухими, как и прежде, так и она, избранная из всех родов, без семени родила цветок нетления, Христа, — подобно тому как жезл без земли и воды пророс. Содержащий же манну золотой сосуд означал чистоту и безупречность Богородицы, а манна, которую он содержал, — свыше в нее сошедшего Бога-Слово: ибо подобно тому как манна удивительным образом сходила, так и Сын Божий превосходящим всякое объяснение и всякую ангельскую и человеческую мысль образом сошел на Приснодеву, от ее пречистых и нескверных крови и плоти плоть себе создав. И как был он совершенным Богом, так он стал по всему совершенным человеком, и — не по видимости, как некоторые нечестиво полагали.

Помысли же здесь и о том, как отцы ваши, питаясь той небесной богоданной пищей, о которой пророк Давид сказал: «Хлеб ангельский ел человек» (Псалом 77, 25), не удержались тогда от ропота, но поставили выше египетское мясо и прочую пищу, а также перенелов, и, не устыдившись пресыщен ия ими, испытали за неблагодарность божественный гнев в тот самый момент, когда пища была у них в устах (Числа, 11, 4—33). Смотри же

не подумай, что раз пророк называет манну ангельским хлебом, то ангелы нуждаются в какой-то материальной пище, поскольку манна была материальной, или наоборот, — что тела людей поддерживаются некоей ангельской умственной пищей. Ничего подобного: созданным из земли людям потребна земная пища, ангелы же, состоя из ума и будучи далеки от материи и телес, имеют соответствующую их природе пищу, каковой является сам Бог, который для них — и пища неиссякаемая и исчезающая, и радость непрестанная, и свет, превосходящий всяческое сияние, — каковой пищи себя лишив, дьявол претерпел самую худшую и жесточайшую смерть, хотя ему и кажется, что он жив. Ангелы же, питаясь такой пищей, живут вечно и живы будут в неисчислимые и бесконечные веки.

Поскольку же мы полагаем, что сам Бог — пища ангелов, получается, что манна была провозвестием сошествия с небес и воплощения от чистой Девы Бога и владыки Иисуса Христа. И пророк удачно образно назвал манну хлебом ангелов, поскольку она была прообразом хлеба, или пищи ангельской — Господа, имеющего насытить всякую душу неиссякаемой умственной и божественной пищей; так же точно она замещала иудеям всякую пищу. Потому ведь и сам Христос, воплотившись, говорил: «Я есмь хлеб, спедший с небес» (Иоанн, 6, 41). Называя себя нематериальным, как мы сказали, хлебом, он хотел, образно показать, что точно так же, как самой необходимой пищей, восполняющей и воссоздающей то, что каждый день уходит из тел, является хлеб, так и Христос умирающие и как бы издыхающие души верующих в него оживляет и согревает.

И не удивляйся тому, что пророк о будущем времени сказал в прошедшем: «ел» вместо «будет есть». В Писании ведь часто используется такой прием передачи мысли. Например, «На реках вавилонских, там сидели мы и плакали» (Псалом 136, 1) было написано до Вавилонского пленения, а «В реке пройдут ногами» (Псалом, 65, 6) — после перехода через Иордан народа с ковчегом.

Все это я привел тебе, отводя от нас обвинение, связанное с воздаянием чести и поклонения святым образам, и всячески тебе показывая, что мы поклоняемся им не как богам, как некоторые думают, но, как я сказал, переводя честь первообразам. Убеждает ли тебя это, скажи.

К с е н: Многое заставляет согласиться с тем, что ты говоришь. И думаю, никто не вправе укорить меня за то, что я присоединяюсь к истинному.

И м п е р а т о р: Тогда уместно было бы воздать Богу молитву в качестве своего рода жертвы от первых плодов наших рассуждений:

Бог святой, в Троице воспеваемый, коснувшийся очей твоего ума и оны, совершенно смеженные, немного приоткрывший, да очистит их сам от приставшего к ним обмана, как от некоего гноя, и да дарует твоей душе веру Авраама, Исаака и Иакова, чтобы ты познал истинно сущее, т. е. точно известную истину о Боге, а не блуждал в неведении, как в глубоком мраке.

К с е н: Мне в высшей степени приятно было, царь, слушать молитву, и в то же время в моей душе вспыхнуло сильное желание получить разъяснения о том, что ты назвал Троицей. Ибо, слыша о том, что вы, христиане, почитаете Троицу, я как-то никого об этом не расспросил. А теперь, когда ты своими словами доставил удобный случай и выказываешь усердие в том, чтобы я понял то, что мне хочется, я право же буду немало тебе благодарен, если ты объяснишь мне и это.

Конец второго слова против иудеев.